

НОВОЧЕРКАССКАЯ ТРАГЕДИЯ 1-3 ИЮНЯ 1962 ГОДА

Прошедшие 26 лет после кровавого подавления забастовки и демонстрации трудящихся в г. Новочеркасске 2 июня 1962 г. мне не приходилось слышать о том, чтобы эти события где-либо, когда-либо были описаны. Лишь однажды я прочитал в книге Солженицына 2-3 страницы, посвященные этой трагедии. В изложении Солженицына события крайне извращены, и этим истине о трагедии причинен безусловный ущерб.

Поэтому обостряется необходимость предать максимальной гласности всю правду о Новочеркасской трагедии. Это необходимо сделать ради памяти всех невинных жертв трагедии, всех осужденных за участие в выступлениях трудящихся Новочеркасска, всех и ныне живых родных и близких как погибших, так и осужденных, всех участников событий. Это необходимо сделать и с целью предания гласности преступления, совершенного партией и государством 26 лет назад против не только новочеркасцев, но и всех трудящихся, народа. Преступления, которое находится в истории в одном ряду с преступлениями царизма, совершенными 9 января 1905 г.. 4 апреля 1912г. на Ленских золотых приисках и им подобным. Это необходимо сделать с целью предотвращения впредь аналогичных зверств.

Как известно, событиям в Новочеркасске предшествовали декларированные в 50-е годы процессы предания гласности преступлений сталинизма, развенчивания "культ личности", попыток гуманизировать, очеловечить социализм. В истинность этих процессов поверил и народ. Вместе с тем, осуждая "культ личности", партийные "вожди" и государственные правители оставляли незыблемым сам сталинизм, преступную партийно-государственную систему. Именно на партийно-политической платформе сталинизма продолжали укореняться и развиваться волонтаризм "вождей", правителей и чиновничества, авторитарно-тоталитарная система власти, оставалась неподконтрольной обществу деятельность органов насилия - КГБ и МВД.

В те годы практически ежегодно в промышленности волонтаристски производились снижения расценок оплаты труда. Это давало возможность чиновникам обеспечивать требуемые центральными органами высокие показатели роста производительности труда, снижения себестоимости продукции без соответствующих капиталовложений, повышения механизации и автоматизации производства, проведения организационных

мероприятий и Качественного улучшения технологических процессов. Безусловно, при капитализме подобного рода улучшения показателей неизбежно сопровождаются протестами трудящихся, ростом забастовочного движения. За предшествовавшие мрачные десятилетия в СССР самодеятельность трудящихся, их воля и способность к классовой борьбе, готовность отстаивать свои интересы были полностью парализованы. Декларируемая в 50-е годы демократизация, в очередной раз одурачивая и оболванивая массы, давала надежды трудящимся на то, что они успешно могут вести диалог с властями и партийно-государственным чиновничеством. Новочеркасская трагедия сорвала маску лжи и лицемерия с авторитарно-тоталитарной преступной партийно-государственной системы.

С 1-го января 1962г. на крупнейшем Новочеркасском электровозостроительном заводе в очередной раз начала проводиться кампания снижения расценок оплаты труда во всех цехах завода. Расценки снижались до 30-35 процентов. Последним цехом завода, где были снижены расценки в мае месяце, был сталелитейный. К этому времени рабочие других цехов уже как-то попривыкли в очередной раз к очередному ущемлению их интересов. Для рабочих же сталцефа снижение расценок еще оставалось чувствительно болезненным. Утром 1-го июня 1962 г. по центральному радиовещанию было объявлено о резком, до 35 процентов, "временном" повышении цен на мясо, молоко, яйца и другие продукты. Это был неожиданный и сильнейший удар по социальному положению всех трудящихся в СССР. Повышение цен не могло не вызвать всеобщего недовольства. Но возникновению забастовки именно на Новочеркасском электровозостроительном заводе способствовал ряд других обстоятельств.

В городе и на заводе практически никак не решалась жилищная проблема. Строительство жилья велось в слишком малых объемах. Плата за квартиру в частном секторе составляла в ту пору от 35 до 50 руб. в месяц, т.е. от 20 до 30 процентов месячной зарплаты рабочего.

Новочеркасск считался в ту пору городом студентов. Соответственно было и его обеспечение продуктами питания. В магазинах практически не было мясных продуктов, масла, а на рынке цены на них были чрезмерно высокими. Очередное повышение государственных цен неизбежно влекло за собой подорожание продуктов питания на рынке.

Но и эти обстоятельства навряд ли повлекли бы за собою забастовку, если бы самонадеянный мерзавец-чиновник не бросил в "бочку пороха" народного гнева, недовольства, искру оскорбления, барского хамства. Речь идет о директоре электровозостроительного завода, которым в это время был Курочкин.

В то утро по дороге на работу и в цехах все обсуждали неприятную новость, возмущались. В сталыцехе рабочие собирались кучками, обсуждали не только сообщение о повышении цен на продукты питания, но и недавно проведенные снижения расценок оплаты труда. Цех лихорадило, но никто не помышлял о протестах, о выступлениях, о забастовке. Вероятно о недовольстве рабочих в сталыцехе стало известно в парткоме завода и директору Курочкину, который пришел в сталыцех с секретарем парткома. Директор и секретарь парткома разговор с рабочими повели не по-деловому, а высокомерно, барски. В момент разговора к группе рабочих, окружающих директора и секретаря парткома, подошла женщина с пирожками в руках. Увидев пирожки, директор решил поостроумничать и, обращаясь к рабочим, произнес; "Не хватает денег на мясо и колбасу, ешьте пирожки с ливером." Это стало той искрой, которая повлекла за собою трагедию в Новочеркасске.

Рабочие возмутились хамством директора и с возгласами: "Да они еще, сволочи, издеваются над нами!" разделились на группы. Одна из групп пошла к компрессорной завода и включила заводской гудок. Другая группа отправилась по цехам завода с призывами прекращать работу и объявить забастовку. Необходимо подчеркнуть, что ни на начальном этапе возникновения забастовки, ни на протяжении всех дальнейших событий 1-3 июня, не создавалось и не было никаких групп или органов, которые взяли бы на себя обязанности возглавить организацию и проведение выступлений рабочих. Все события, происходили именно стихийно, спонтанно. Инициатива кипела и проявлялась снизу, в массе трудящихся. К событиям не был причастен кто-либо со стороны. К ним абсолютно не были причастны и какие-либо "радиоголоса".

Рабочих завода не было нужды агитировать за забастовку. Достаточно было появления групп рабочих, призывающих к забастовке, как работа моментально останавливалась. Масса забастовщиков росла, как снежная лавина. В ту пору на заводе работало примерно около 14 тысяч человек. Рабочие вышли на территорию завода, заполнили площадь возле заводоуправления. Площадь не вмещала всех бастующих.

Группа рабочих сняла звено штакетника, огораживавшего скверик, и перегородила им прилегающий к заводу железнодорожный путь СКЖД, повесив на штакетник красные тряпки. Этим был остановлен пассажирский поезд "Саратов-Ростов" и движение поездов на этом участке. Остановкой железнодорожного движения рабочие стремились сообщить о своей забастовке по линии железной дороги.

По инициативе слесаря завода В.И.Черных, его товарищ, цеховой художник В.Д.Коротеев написал плакаты: "Дайте мясо, масло", "Нам нужны квартиры", которые они вынесли из завода и укрепили на одной, из опор электрифицируемой в ту пору железной

дороги. На тепловозе пассажирского поезда кто-то написал: "Хрущева на мясо". Последний лозунг появился и в других местах.

Дополнительно к заводскому гудку тревожные сигналы стали подавать и с тепловоза. К заводу стали стекаться рабочие второй и третьей смен, жители рабочих поселков. Первые попытки по пресечению забастовки были предприняты силами дружинников из ИТР, которые попытались пропустить пассажирский поезд и этим открыть движение на железной дороге. Но, они оказались бессильны и были вынуждены ретироваться, снять повязки дружинников.

С забастовщиками в переговоры ни партийные органы, ни администрация завода не вступали. По своей инициативе перед рабочими пытался выступить главный инженер завода С.Н.Елкин, который конкретно не говорил о восстановлении расценок, никаких обещаний и заверений не давал, а лишь уговаривал рабочих прекратить волнения и приступить к работе. Возмущенные рабочие затащили его в кузов грузовой машины и пытались требовать от него, конкретного решения вопросов. Вопросы ему задавал и я, что после было вменено мне на судилище в обвинение.

Примерно в полдень в массе забастовщиков пронеслось: "Милиция приехала!". Воя людская масса ринулась на полотно железной дороги в направлении к милиции. Я оказался среди первых. Когда вбсжал на полотно железной дороги, оглянулся по сторонам. Надо было видеть внушительность картины. Метров на 350-400 на полотно железной дороги выкатилась грозная волна плотной людской массы. А в метрах 200-250 по другую сторону железной дороги в это время выстраивались в две шеренги более сотни милиционеров. Доставившие их машины разворачивались на пустыре. Увидев накатывающуюся грозную волну людской массы, милицейские шеренги моментально рассыпались. Милиция кинулась вдогонку за разворачивающимися машинами, на ходу беспорядочно лезла в кузова. Не успели удрать лишь два милиционера, у которых то ли от страха, то ли от бега подкашивались ноги. Волна забастовщиков не настигла милицию. Она успела трусливо удрать, бросив на произвол массы двоих своих товарищей. Но и в своем гневе рабочие не только не учинили расправы над оставшимися милиционерами, а даже не тронули их, выпроводили с напутствием, чтобы милиция не совала нос к забастовщикам.

Как позже стало известно, милицию переодели в гражданское платье и направили в массу забастовщиков. Туда же были направлены и кагэбэшники, которые были снабжены микрофотоаппаратами, смонтированными в зажигалки, портсигары и в бог весть еще во что. Съемки осуществлялись и с пожарной наблюдательной вышки. Позже, на следствии

приходилось видеть буквально ворохи фотоснимков, на которых были зафиксированы тысячи участников забастовки.

Предпринимались и попытки спровоцировать забастовщиков. 1-го июня погода выдалась безоблачная, жаркая. Источников воды поблизости площади около заводоуправления не было. Помнится одолевавшая мучительная жажда. Но никто не покидал площадь. Всех спланивало единство, вера в свои силы, в справедливость своих требований. И в этот момент к забитой народом площади прибыла машина доверху нагруженная ящиками с ситро. Соблазн для всех был громаден. Раздались призывы разобрать ситро и утолить жажду. Но возобладал здравый смысл. Ни одной бутылки не было взято с машины. Было полностью парализовано движение на железной дороге, но машину с ситро пропустили через всю многотысячную, одолеваемую жаждой массу. Провокация не удалась, провалилась.

К концу рабочего дня на площадь около заводоуправления прибыли первые отряды воинских подразделений Новочеркасского гарнизона. Они были без оружия. Приблизившись к массе людей, солдатские колонны моментально поглощались массой. Забастовщики и солдаты братались, обнимались, целовались. Да-да, именно, целовались. Офицерам с трудом удавалось извлекать солдат из массы людей, собирать их и уводить от забастовщиков. Через некоторое время с балкона строящегося крыла заводоуправления пытался выступить первый секретарь Ростовского обкома КПСС Басов, окруженный чиновниками.

Трусливость партийных чиновников была для всех не только очевидная, но и оскорбительная. С забастовщиками явно никто не желал говорить на равных. Басова и его холуев пытались забросать камнями. Но они были а буквальном смысле слова высоко над массой людей, поэтому ни одного попадания в них не было. Басов с чиновниками ретировались.

К площади возле заводоуправления стали прибывать бронетранспортеры с офицерами. Власти убедились, что солдаты Новочеркасского гарнизона оказались ненадежными, поэтому надежду возложили на офицеров. Право, наблюдался скоротечный минипроцесс гражданской войны. Но офицерье в буквальном смысле слова почувствовало силу, мощь рабочих рук. Их бронетранспортеры раскачивались рабочими с поразительной легкостью из стороны в сторону. Жалко было смотреть, как полковники и майоры болтались на сиденьях в бронетранспортерах, не в состоянии удержать на своих физиономиях выдержку. Растерянность и страх на их лицах свидетельствовали, что им не под силу пресечь гнев рабочих. Бронетранспортеры уехали.

Возбуждение забастовщиков не только не утихало, но и возрастало под воздействием попыток подавить их выступления. Возник стихийный митинг. Трибуной служил козырек пешеходного тоннеля. На митинге раздались призывы послать делегатов рабочих в другие города, на другие предприятия, к захвату в городе почты, телеграфа с целью отправки во все города обращений с призывами о поддержке забастовки электровозостроителей. Тогда же прозвучали первые сообщения, что дороги к городу перекрыты, блокированы милицией и войсками.

Я не намерен был выступать на митинге. Но меня беспокоили призывы о захвате власти в городе. Я хорошо помнил рассказы участников событий в Венгрии и в Грузии. Попытка захвата власти в городе была чревата слишком тяжелыми последствиями. Поэтому я выступил с призывом продолжать забастовку, соблюдать выдержку, твердость, организованность. Я призывал на следующее утро всем идти в город демонстрацией, выработать общие требования и предъявить их властям. Призывы к захвату в городе власти, к насилию не прошли, были полностью отвергнуты. Решено было на следующее утро идти в город демонстрацией. И уже это свидетельствует, что волнения рабочих не сопровождались экстремизмом, насилием по отношению к представителям власти.

Позже и следствие, суды не могли обнаружить фактов экстремизма, насилия, кроме двух незначительных случаев. Первый случай касается главного инженера завода С.Н.Елкина, когда его силой затащили в кузов машины. Но он не подвергался избиениям. Второй случай связан с коммунистом Брагинским, который от своих же подчиненных получил несколько затрепанных, не повлекших за собой ни травмы, ни нужды обращаться за помощью к медицине.

В пятом часу утра я был разбужен двумя сильными "взрывами". Раздетый, вскочил из временки, где жил с женой. На улицу стали выходить со всех дворов жители. Выяснилось, что ослепленный танк сбил две опоры электрической передачи высокого напряжения, провода сконтачили и электроразряды были теми "взрывами" которые и подняли с постелей людей. Я отправился к заводу. Метров за 400-500 от железнодорожной линии и заводоуправления начали собираться маленькими кучками по 5-15 человек жители поселка. Я подошел к группе людей, выдвинувшейся на самое близкое расстояние к полотну железной дороги примерно в 300-350 метров от железной дороги. Все мы наблюдали, что железная дорога вдоль завода, завод оцеплены вооруженными автоматами солдатами. Возле завода и около станции Локомотивстрой стояли танки.

Люди сообщили, что в 12-ом часу в поселок, на завод, в город введены воинские подразделения армии, танки. Рассказывали, что ночью жители пытались из подручных материалов устраивать перед танками баррикады, которые те преодолевали без

препятствий. Тогда рабочие стали запрыгивать на танки на ходу и своей одеждой закрывать смотровые цели, "ослеплять" их. Один такой ослепленный тапк влетел в котлован, вырытый под опору железнодорожной электрической передачи высокого напряжения, что подняло с постелей меня и соседей.

К нашей группе направился офицер с солдатом, вооруженным автоматом. Группа быстро "растаяла" и в ней осталось пять-семь человек. С подошедшим офицером завязался резкий разговор. Он требовал, чтобы мы шли к заводу. Мы отказывались, говоря, что пусть работает армия, которая захватила завод. В перепалке не заметили, как сзади нас оказалось два солдата, вооруженных автоматами. Таким образом мы оказались арестованными. Нас доставили в заводоуправление. Кругом было полно солдат кавказских национальностей, офицеров, гражданских, кагэбэшников. Кагэбэшники встретили меня со злорадством, сообщив, что давно меня ожидают и "рады" встрече. На легковой машине в сопровождении трех человек, кроме шофера, меня быстро доставили в ГОВД, где уже напряженно действовал большой штаб чиновников по подавлению волнений. По дороге в машине сопровождавшие махали передо мною кулаками, угрожали, оскорбляли,

В ГОВД доставлялись все новые и новые арестованные. Меня отвели в кабинет, где сидело, если не изменяет память, человек шесть чиновников. Был проведен беглый допрос. От меня требовали обещания, что я не буду принимать участия в массовых беспорядках. Я ответил, что буду делать то, что будут делать большинство рабочих. Мне предложили подумать и отправили за дверь кабинета. Я слышал, как за дверью все более возрастала нервозность, напряжение. Названивали непрерывно телефоны, звучали требования не допускать скопления народа. Я понял, что допустил ошибку и попал как "кур в ощиц". Попросил приема и стал заверять, что подумал и не буду принимать участия в беспорядках. Но по молодости не смог сдержать ехидной улыбки и этим выдал себя, свои намерения. Меня отправили в камеру, а минут через 15-20 нас человек пять посадили в "черный ворон" и отправили в Батайск за 52 км. от Новочеркасска.

С этого момента мое участие в Новочеркасской трагедии и закончилось. Я долгие месяцы и годы был в камерах Ростовского следственного изолятора КГБ, Новочеркасской тюрьмы, в концлагере с активными участниками последующих событий Новочеркасской трагедии. Я непременно стремился восстановить по крупицам ход событий. Проверял и перепроверял, сопоставлял каждый факт, мельчайшие подробности. Поэтому могу ручаться за точность изложения.

Утром на завод пришли рабочие не только первой смены, но и других смен. Завод был заполнен солдатами. Возле всех ворот стояли танки. В цехах были солдаты, посторонние

гражданские, явно кагэбэшники. Несмотря на требования не собираться группами, рабочие собирались в кучки. Их возмущение, гнев нарастали. Группы рабочих стали покидать рабочие места, выходить из цехов. Все были охвачены стихией, гневом. Малые группы рабочих стали сливаться в большие. Этот процесс уже никто не мог остановить. Большие группы рабочих стали стекаться к центральной проходной завода. Внутризаводская площадь уже не вмещала всех рабочих. Усиливался напор на ворота. Рабочие силой распахнули ворота завода и вышли на предзаводскую площадь. Вспомнили предшествовавшие в предыдущий вечер митинг и призывы к демонстрации.

Многотысячная масса народа направилась в город. Путь предстоял дальний. От завода до центра города. Некоторые группы рабочих направились на другие заводы с призывами поддержать электровозостроителей. На призывы с готовностью откликнулись строители, рабочие заводов электродного, "Нефтемаш", других мелких предприятий. Отовсюду шли колонны в город. В колоннах появились красные знамена, портреты Ленина. Демонстранты пели революционные песни. Все были возбуждены, охвачены верой в свои силы, в справедливость своих требований. Колонна демонстрантов все более возрастала.

Подходя к мосту через железную дорогу и реку Тузлов, демонстранты увидели на мосту кордон из двух танков и вооруженных солдат. Колонна приостановилась, замерла, умолкли революционные песни. Затем плотная грозная масса демонстрантов медленно двинулась вперед. Раздались возгласы: "Дорогу рабочему классу!" Возгласы переросли в мощное скандирование; четко, потрясающе повторялось: "Дорогу рабочему классу!". Солдаты и танкисты не стали препятствовать колонне, стали помогать перелезть через танки. Поток людской массы обтекал с боков и перетек через танки кордон на мосту. Еще больше возросло возбуждение, еще мощнее, громче, дружнее зазвучали революционные песни.

Демонстрация вступила на центральную городскую улицу Московская. Я не называю даже примерного количества демонстрантов, потому что так и не смог услышать даже приблизительной цифры. Все едины в утверждениях, что вся большая городская площадь перед горкомом партии (бывший дворец-канцелярия атамана войска Донского), большая часть ул. Московской, часть просп. Подтелкова были полны народа. На площади возле памятника Ленину стоял танк. Его облепили демонстранты, детвора. Танк полностью ослепили. Видно это вывело из терпения танкистов. Танк грохнул холостым выстрелом. Стекла в ближайших домах высыпались.

Перед горкомом партии бурлила масса демонстрантов. В горкоме полно было солдат. Через двери демонстранты переругивались с солдатами. Один кавказец не выдержал, прикладом автомата выбил стекло в двери и через образовавшийся проем ударил

прикладом женщину. Перед напором возмущенных демонстрантов, двери горкома распахнулись. Ворвавшаяся масса людей разметала своим движением солдат. Ударивший женщину солдат оказался под лестничным маршем. По рассказам некоторых, его там избили. Это единственный известный случай, когда был избит представитель власти, представитель вооруженных сил, армии, оккупировавшей город. Горком был полностью захвачен демонстрантами.

Демонстранты ворвались в один из кабинетов. Там на столе был коньяк, богатая закуска и приборы на две персоны. Убежать из кабинета никто не мог успеть, но в кабинете никого не было. Стали искать. В диване оказался прокурор из облпрокуратуры, а в книжном шкафу спрятался А.Н.Шелепин. Их стали тащить на балкон, требовать, чтобы они выступили перед демонстрантами. Они упирались, отказывались. Тогда демонстранты взяли коньяк, закуску и вынесли на балкон на обозрение демонстрантам. Начался митинг.

На митинге выступила Е.П.Левченко. Она сообщила, что ночью и утром производились аресты забастовщиков, что арестованных избивали. Она говорила правду. Но вряд ли она могла знать, что многих арестованных уже не было в городе. Все настойчивее звучали требования освобождения арестованных. Часть митинговавших направилась к горотделу милиции. Там тоже было полно солдат кавказских национальностей. Демонстранты стали пробиваться в горотдел. Двери распахнулись. В здание хлынули демонстранты. В это время один из солдат замахнулся автоматом на рабочего в синем комбинезоне. Рабочий схватился за автоматный рожок. Автомат в руках рабочего был не более чем дубиной. Но и ею он не воспользовался. Солдатам была дана команда открыть огонь. Рабочий был убит наповал. Наверяд ли хотя бы одна пуля пропала даром. Слишком плотной была масса народа. А в здании горотдела началась паника. Ворвавшиеся демонстранты искали укрытий от пуль. Влетали в пустые камеры. Находящиеся в массе переодетые милиционеры, кагэбэшники пользовались случаем и захлопывали двери камер с демонстрантами, закрывая их на засовы.

Один из позже осужденных участников этих событий, раненный срикошеченной пулей в лопатку, в лагере рассказывал, что их заставляли складировать трупы погибших в подвале рядом находящегося госбанка. Трупы складывали штабелями, а они еще агонизировали. Дергались руки, ноги. Кто знает, быть может среди них были и такие, которых можно было спасти. Характерно для всех участников то, что никто не мог назвать даже приблизительное число виденных ими погибших. Никто не называл ни одной цифры.

Не один свидетель рассказывал, что офицер, получивший команду открыть огонь, отказался передавать эту команду своим солдатам и перед строем застрелился. Но кинжальный огонь все-таки был открыт. Вначале вверх, по деревьям, по детворе. Посыпались убитые, раненые, перепуганные. Партия, государство, армия так искореняли крамолу. Партия так утверждала единство партии и народа. Затем огонь был перенесен на массу. Это не огонь одиночными выстрелами из трехлинеек, это огонь из скорострельных автоматов. Рассказывали. Бежит пожилой мужчина мимо бетонной цветочной вазы на тумбе. Пуля попала в голову, его мозги моментально разляпались на вазе. Мать в магазине носит грудного убитого ребенка. Ранена парикмахерша на рабочем месте. Лежит девчужка в луже крови. Ошалелый майор встал в эту лужу. Ему говорят: "Смотри, сволочь, где ты стоишь!". Майор здесь же пускает себе пулю в голову. Много рассказывали.

Подгоняли грузовые бортовые машины, автобусы. Туда, туда спешили вбрасывать, впахивать трупы жертв. Ни одного погибшего не отдали для захоронения близким. Больницы были забиты ранеными. Никто не знает, куда они делись. Кровь смывали пожарными машинами. Но еще долго на мостовой оставались бурые следы.

Мне не раз приходилось слышать о расстреле. Рассказывали. Открыт огонь. Масса в ужасе, бежит. Огонь прекращается. Масса останавливается, медленно наползая, возвращается. Опять огонь. Все повторяется. До сих пор неизвестно, сколько погибших, калек, раненых.

Нет, волнения этим не были подавлены. Площадь продолжала бурлить. По городу поползли мрачные олухи. Одни покидали площадь, другие приходили. Ругались матерно с солдатами, а они отвечали озлобленно: "Вы нас в 56 году стреляли, а мы вас сейчас". Торжество интернационализма в многонациональном социалистическом государстве. Ай да пролетарская интернациональная коммунистическая партия! Интернационализм действует, верно служит.

Пришло сообщение, что в городе члены Политбюро и правительства. Среди них А.И.Микоян, Ф.Р.Козлов. Без выборов, стихийно, добровольно образовалась делегация от демонстрантов. Представителям ЦК и правительства страшны были массы трудящихся. Они спрятались на территории танковой части ККУКСов. Делегация направилась туда. Один из делегатов прочел представителям ЦК и правительства стихотворение Некрасова "Кому на Руси жить хорошо", переделанное применительно к хрущевскому периоду, к Хрущеву. В основном за это он, Б.Н.Мокроусов, был приговорен Верховным Судом РСФСР к расстрелу.

Рассказывали. Будто бы, узнав о трагедии, Козлов плакал. Возможно, но то были крокодиловы слезы. Микоян потребовал, чтобы с площади выпустили тапки, обещая после этого выступить. Передали это требование демонстрантам. На митинге демонстранты ответили четко: "Нет! Пусть смотрят на дело рук своих!". Посмотрели на дело рук своих с высоты, через иллюминатор вертолета, который облетел площадь, прилегающие улицы. Микоян выступил по городскому радио. В газетах, даже городской, о событиях ни слова. Объявили комендантский час. Стали поговаривать о возможной высылке всех жителей города. Начались аресты. Ночью были случаи, когда в солдат бросали из-за углов камни.

Рассказывали. Ночью в общежитие электровозостроительного завода прокрался проживавший в нем парень, весь в грязи, в крови. Собрал быстро вещи, попросил ребят никому не говорить, что его видели. Сообщил, что без сознания был брошен с трупами в машину. Машина с трупами ночью ехала куда-то в балку за тюрьму. Он на ходу выскочил из машины и с громадными предосторожностями прокрался в общежитие, после чего и скрылся. Место захоронения жертв остается неизвестным. Вот где нужен памятник жертвам сталинизма.

3-го июня в воскресенье волнения стали утихать. Микоян с Козловым после ходили по цехам электровозостроительного завода. Снабжение города продуктами питания улучшилось. Увеличилось строительство жилья. Расценки не были восстановлены. Микоян подтвердил существование вопроса о высылке всех жителей города. Но на этом трагедия не завершилась. Наступил период судебных расправ.

Наиболее демонстративно жестоким был судебный процесс над 14-ю участниками забастовки и демонстрации в воинском гарнизоне ККУКС. Семь человек из четырнадцати Верховным Судом РСФСР под председательством Л.Н.Смирнова с участием прокурора А. А. Круглова были приговорены к расстрелу. Они обвинялись в бандитизме по ст. 77 и в массовых беспорядках по ст. 79 УК РСФСР.

Была очевидной целенаправленность судебных преследований. В первую очередь выискивали среди участников ранее судимых. По другому процессу, например, осудили человека с явными умственными значительными отклонениями. Цель была одна - скомпрометировать любой ценой Новочеркасскую трагедию. К проведению следствия привлекли сотрудников КГБ из Ленинграда, Москвы, Украины и других мест.

Уже в тюремных камерах, после всех судебных процессов, мы пытались подсчитать число осужденных. Перечисляли пофамильно. Получилось не менее 105 человек. На сроки суды не скупилась. Наиболее частыми были от 10 до 15 лет лишения свободы.

Дней через семь-девять после ареста меня вывели из одиночной камеры. Во дворе ждали три легковые машины. Меня усадили в одну из машин на заднее сидение. По бокам меня зажали двое здоровенных детин. Рядом с шофером сел третий. Во вторую машину посадили второго товарища, как и меня. Третья машина была без арестованного, лишь с сотрудниками КГБ, которая следовала первой. В сопровождении такого внушительного эскорта нас доставили в следственный изолятор УКГБ по Ростовской области. Посадили в камеры на два человека.

Необходимо признать, что в следственном изоляторе КГБ обращение к нам было предельно вежливым. Изолированность от внешнего мира абсолютная. Газет и радио не было. В коридоре ковровые дорожки. Шагов надзирателя не слышно. Скрипа задвижек глазков абсолютно не было. Тишина гнетуще гробовая. Электрический свет круглые сутки. Питание сытное и обильное, лучше, чем имели на воле, где с продуктами в магазинах было очень плохо.

А на воле искала меня мать. Дня через три узнала о моем аресте. Обрадовалась, что не погиб. Написала письмо Микояну. Сумела ему передать. В письме писала о своем муже, моем отце, который был членом партии с 1903 г., начал революционную деятельность в Батуми в 1902 г., был близким соратником Сталина, многих из 26-ти бакинских комиссаров. 11 лет вел революционную деятельность в Баку, возглавляя революционное движение в период первой русской революции в Грозном, был близким другом Джапаридзе и Фиолетова, в 1937г. в Ростове-на-Дону был репрессирован и после более чем годичных пыток умер в Ростовской тюрьме. Мать напоминала Микояну о его соратнике по партии и революционной борьбе в Баку. И Микоян «откликнулся».

Дня через два меня вызвали на первый допрос. Он ограничился биографическими сведениями. Вновь отправили в камеру. Через день вновь допрос. Коротким он был. Следовательно, если не ошибаюсь, его фамилия Кострюков, капитан, бывший директор школы, показал тоненькую папку "Дела" и сообщил, что это "Дело" большевика-ленинца П.И. Сиуды, моего отца. Так через 25 лет сошлись судьбы отца и сына в застенках КГБ. Тогда же он сообщил, что от Анастаса Ивановича Микояна в КГБ поступила записка с просьбой помочь мне всем, чем возможно. И ведь пытались же помочь. Вначале требовали показаний по Новочеркасской трагедии, но когда поняли, что ничего от меня не получат, не настаивали. Стали настаивать на малом - на признании событий преступными и на ошибочности моего участия в них. Но к этому времени я узнал уже о страшной трагедии в Новочеркасске. Отступничество уже было невозможным. Ведь это я призывал к продолжению забастовки и к демонстрации. Я полностью осознал свою ответственность

за трагедию перед погибшими. Отступничество было бы мерзейшим предательством. Я отказался от получения воли такой цепой. И тогда началась обработка.

Повторяю, в КГБ не пытали, не били, были предельно вежливы, обращались только на "Вы". Тем не менее. Других подследственных усиленно убеждали предварительно, что их дело завершится и каждый из них будет скоро освобожден. Затем обработанного таким образом подследственного помещали ко мне в камеру. Такие сокамерники ни о чем не могли ни думать, ни говорить, кроме приближающейся воли. И когда их вызывали с вещами, они ликовали. Сокатерники менялись через 2-3 дня. Напомню, что камеры были на двоих заключенных. Бывало, день-два я оставался в камере один. Затем приводили очередного обработанного сокамерника. Страшно быть полностью изолированным от внешнего мира и видеть, что все участники Новочеркасской трагедии благополучно возвращаются на волю, что воля и для тебя доступна, стоит лишь чуть-чуть смягчить свои позиции. Беда только, что всех тех мечтателей, поверивших КГБ, я встречал осужденными в камерах тюрем и в лагере. Но тогда-то мне было не легче. И я верил. Мне шел двадцать пятый год. И я не выдержал.

В камере разрешали иметь вволю курева и спичек. Слышал я, что серой спичек можно отравиться. Незаметно даже для сокамерника я накошил серы с 20 спичек. Дождался, когда он заснул, развел серу и поднес кружку ко рту. Но то, что не видел сокамерник, оказывается, видел охранники. Не успел и глотка сделать, как дверь бесшумно мгновенно распахнулось и выбитая из рук кружка оказалась на полу. Нет смысла описывать дальнейшие сцены. Каждый волен представить их по-своему. Чиновники КГБ поняли, что обработка не дает результата. Прекратили обрабатывать. Для психологического отдыха отправили в Новочеркасскую тюрьму. Встреча с новочеркасцами для меня и в самом деле была праздником, отдохновением. Но тюремная охрана отличалась хамством, грубостью.

Однажды в камеру ворвался сержант охраны. На истерической ноте он стал всех новочеркасцев оскорблять. Я возмутился, отказался от приема пищи и потребовал прокурора. После обеда повели к прокурору. Я высказал резкий протест. После этого я не слышал о случае хамства и грубости к новочеркасцам со стороны охраны. Меня вновь вернули в следственный изолятор КГБ.

В сентябре 1962 г. в зале Ленинского районного народного суда г. Ростова-на-Дону под председательством члена судебной коллегии Ростовского областного суда Н.А.Ярославского с участием прокурора А.Н.Брижан состоялся суд над семьей новочеркасцами, а том числе и надо мною. Суд был формально открытым. Но о его проведении в Новочеркаске никто не знал. Поэтому из Новочеркасска кроме близких

подсудимых и свидетелей никого не было. Суд приговорил одного к семи годам, троих к десяти годам и троих, в том числе и меня, к двенадцати годам лишения свободы каждого. Вскоре после суда я вновь был отправлен в Новочеркасскую тюрьму. На этот раз встретился со многими знакомыми.

Новочеркасцы и в тюрьме и в лагере были довольно-таки дружными, хотя и делились на группки, кучки. Однажды в тюрьме мы услышали душераздирающие крики истязуемого. Все новочеркасцы, находившиеся в камерах одного коридора, подняли шум, грохот скамейками, кружками, мисками. Охранники заметались; Вызвали добровольца, чтобы убедился, что не новочеркасца истязают. Вызвался я. По дороге охранник меня все запугивал, что и мне за всех влетит. Заворачивая а очередной коридор, я увидел, как несут голого всего мокрого парня, который был без сознания. То не был новочеркасцев.

Меня вернули в камеру, где я рассказал товарищам об увиденном.

Не помню, в каком месяце отправили в концлагерь в Коми АССР первый этап новочеркасцев. Я был отправлен со вторым этапом уже зимой. Концлагерь, в который поместили новочеркасцев, находился в километрах 40 от железнодорожной станции Синдор в Коми АССР. Там были осужденные к лишению свободы. Сейчас я уже забыл, в каком лагере находились приговоренные к лишению свободы строгого режима. Удивительно, память цепко хранит все, связанное с Новочеркасской трагедией. А вот многое, связанное с концлагерем, забывается.

Встретились в концлагере с земляками мы радостно. Но чуть ли не с первые минут ошарашила новость, что новочеркасцы первого этапа пошли на поводу у охранников и образовали что-то наподобие внутриконцлагерной дружины. Эта новость крайне возмутила. Нам (В.Власенко, В.Черных, В.Глоба, я и др.) удалось убедить в недопустимости существования чего-либо подобного с участием новочеркасцев. Так и провалилась эта затея охранников.

Все заключенные концлагеря работали на лесоповале и строительстве узкоколейной железной дороги, предназначенной для вывоза леса. Концлагерная жизнь шла своим чередом. Периодически возникали малые или острые конфликты с администрацией концлагеря. Однажды столкновение с охраной закончилось автоматной очередью, предназначенной для меня, но в последний момент другой охранник ударом вскинул автомат и очередь пронеслась высоко в воздух. Мы сумели добиться от органов МООП (МВД) убрать зверствовавшего опера из концлагерной спецчасти. Сумели добиться открытия вечерней школы с преподавателями из заключенных. В то же время, не были покорными внемлющими на оболванивающих политзанятиях.

Однажды замполит - майор не выдержал и, вызвав меня в кабинет, запретил впредь присутствовать на политзапятиях. Вместе с тем, и среди офицеров охраны были люди, относящиеся к новочеркасцам доброжелательно. Однажды, в выходной, я был возле лагерного футбольного поля. Рядом встал ст. лейтенант из охраны. Дождавшись, когда рядом никого не было, он сквозь зубы, не шевеля губами, сообщил мне, что в Муроме произошла трагедия аналогичная Новочеркасской. Так новочеркасцы узнали об очередном преступлении партии и государства.

Были у нас и случаи бригадных отказов от работы в знак протеста. Завершались они всего лишь шизо.

После ухода Хрущева с политической арены, в январе 1965 г. в концлагерь приехали кагэбэшники для зондирования настроения новочеркасцев. Для всех вскоре стала очевидна большая их информированность о нашей концлагерной жизни. Дошла очередь и до вызова меня. Любопытный и кое-чем памятный состоялся разговор. С первых же минут он накалялся. На одну из моих реплик кагэбэшник со снисхождением и гордостью произнес: "КГБ - не родная матушка, а передовой вооруженный отряд партии". Разговор еще более обострился. Сотрудник КГБ в запальчивости предупредил, что меня могут постараться скомпрометировать в глазах новочеркасцев: «Одного вызовем, другого, а третьему, четвертому осторожно дадим понять, что информацией располагаем благодаря Вам". Я засмеялся и обратил его внимание на то, что форточка кабинета открыта, а там и за дверью полно моих товарищей. Поблагодарил его за предупреждение возможной провокации. Взъерившись, он посулил: "Все освободятся, а ты будешь сидеть, срок закончатся, а ты будешь сидеть". Так и кончилась беседа.

Вскоре начали пересматривать в Москве дела новочеркасцев. Одному из последних снизили срок и мне до 6-ти лет. Новочеркасцев начали освобождать с весны 1965 г. А мне освобождение и "не светило". Муторно, тяжело было. Моя мать, прошедшая все адавы круги сталинизма, осужденная в 1943г. по ст. 56-10, ч.2 УК РСФСР, отбывшая приговор на "всю катушку", оставалась стойкой женщиной. Меньше она жила в те годы в Новочеркасске и больше была в Москве, жила в Синдоре. Она была надежным почтальоном у заключенных. Связь с ней была налажена надежно. Я не помню ни одного срыва связи, провала почты. Она подкупила всех, кого только можно было. Именно благодаря подкупам она добилась положительной характеристики мне и освобождения в июле 1966г.

Но освобождению предшествовал один эпизод, о котором следует рассказать. Как-то ко мне подошел новочеркасец А. Жаров с просьбой помочь переписать на волю письма. Я взял пакет и, не разворачивая, отправил его по своим каналам. Дня через два ко мне

подходит связник и говорит, что мать просила сообщить, что Жаров доносчик. Мороз пробежал по коже. Я затребовал срочной доставки дописов. Вскоре мать передала их мне. Как позже она объяснила, она запомнила, что в Прокуратуре РСФСР, наряду с другими активными новочеркасцами, остающихся на своих твердых позициях, упоминалась фамилия Жарова. Но этим-то он не отличался, хотя резкостей в оценках и приходились от него слышать. Поэтому мать и обратила внимание, что его письма поступившие к ней адресованы в КГБ и в Прокуратуру РСФСР. На этом этапе обращения к ним были для новочеркасцев-заключенных по меньшей мере, странными. Мать вскрыла письма. Когда Жарова новочеркасцы заманили в школу, он утверждал, что является лейтенантом КГБ. Последующие подробности навряд ли представляют интерес.

Когда я находился еще в заключении, матери предоставили квартиру, вписав в ордер и меня. Таким образом, еще до освобождения, я был надежно привязан к Новочеркаску. И после освобождения на протяжении долгих лет я продолжал жить активно. Но это другие, не менее сложные и болезненные темы.

ИНТЕРВЬЮ С ПЕТРОМ ПЕТРОВИЧЕМ СИУДОЙ

Июль 1988 г. Новочеркасск.

Д[авид].М[андель]. Вы не знали вашего отца, но, тем не менее, его роль в революции и его последующая судьба имели большое влияние на весь ход вашей жизни и на развитие вашего мировоззрения. То же наверно можно сказать и о влиянии вашей матери. Поэтому я хотел бы начать с истории ваших родителей.

П.П. На самом деле, история моей семьи переплетается с историей страны. И на нашей семье можно проследить историю страны за многие десятилетия. Мой отец родился в крестьянской семье в Белоруссии - сегодня это Брестская область недалеко от границы с Польшей. Кончил церковно-приходскую школу, четыре класса. Прочили его в духовную семинарию, но его отец не дал пойти, потому что работники нужны были. Отец был русским, мать - полькой по происхождению, но в том местечке, где они жили, были русская, польская, еврейская и белорусская общины. Шел тогда процесс обезземливания, и крестьянство мигрировало. С ростом семей люди уезжали на заработки. И вот в 1898 году, когда отцу было двадцать два года, он уехал на юг России, в Новороссийск, Краснодарский край.

Новороссийск сегодня - это курортный город. А тогда отец работал там на цементном заводе. Но пробыл там недолго. Здесь сказалось, вероятно, чувство справедливости, воспитанное в нем матерью. Тогда было очень много безработных, сокращений, увольнений. Отец вступился за рабочих, чтобы их не увольняли, поругался с начальством, и его выгнали с работы. Он пересел в Грозный, там произошло то же самое, и он переехал в Батуми. И вот в Батуми в 1902 году он вступил в социал-демократическое революционное движение, участвовал в забастовке, манифестации 1902 года, которая вошла в историю.

Когда в Батуми стали организовываться кружки, он вступил один из первых и был выбран казначеем. А что такое казначей в то время? Это не казначей легальной партии, где взносы принимают. Это хранитель системы поступления средств в подпольную организацию. Вольно или невольно, он знает откуда поступают эти средства. То есть быть казначеем - значит обладать безусловным доверием товарищей. В то же время он занимался и революционной деятельностью, организовывал выступления рабочих. В 1903 году он вступил в партию. И в этом же году его арестовали в Батуми.

В своих воспоминаниях отец пишет о забастовке в тюрьме. Когда его вели по коридору, Костя Колонтаров, который кстати был близким другом Сталина, сидел в камере. Отец обратился к нему с вопросами. Но разговаривать о революционном движении было запрещено, и один охранник ударил его эфесом сабли по голове. Отец, окровавленный, упал. Политзаключенные увидели и объявили голодовку. Она закончилась победой заключенных, улучшения питания, режима содержания.

Д.М. Эти воспоминания, как-то зафиксированы? Где они хранятся?

П.П. Они хранятся в архиве компартии Азербайджана. Отец их написал в тридцать шестом и в начале тридцать девятого года. Мне, наконец, дали их ксерокопию в 1985 году в результате шестилетней борьбы с партийными чиновниками. Они были найдены в Институте истории партии Грузии. Но когда я их запросил, то мне отказали, и чтобы совсем от меня отделаться, переслали архивы в Азербайджан. Я написал письмо туда и тоже получил отказ. Когда я начал давить на них, то они отправили эти материалы в ростовский областной партийный архив, на их усмотрение. И там сочли за благо снять ксерокопии этих воспоминаний и предоставить мне.

Д.М. Вы рассказывали о забастовке в тюрьме.

П.П. Вскоре после победы заключенных отца выслали под гласный надзор полиции в Ростов-на-Дону. Там он с помощью подпольщиков подделал документы и скрылся. Он продолжал заниматься революционной деятельностью и в 1904 году накануне потемкинского восстания был в Севастополе. Здесь его с товарищем арестовали по

подозрению в шпионаже в пользу Японии, но ему удалось скрыться. Он проехал ряд городов, был и у себя на родине, проводил там митинги, в Петербурге, в Москве, в Саратове и приехал снова в Грозный. К тому времени царской охранкой там был разгромлен подпольный комитет РСДРП. Отец его восстановил и возглавил революционное движение в период первой русской революции в Грозном.

Он пользовался большим авторитетом среди рабочих. Характерен один эпизод. Рабочие двух пивзаводов объявили забастовку, бросили работу и разошлись по домам. Проходит время, и хозяева ловят рабочих на улице и спрашивают: "Какие у вас требования? Вступайте с нами в переговоры." А рабочие отвечают: "Там есть слесарь на заводе, вот с ним и ведите переговоры". Сами рабочие не контактировали ни с комитетом, ни с Сиудой, а просто забастовали. Они были убеждены, что комитет лучше их знает их интересы и сможет выдвигать требования перед заводчиками.

Тогдашняя ситуация отличается от нынешней не только тем, что тогда, во время революции 1905г., существовала гораздо более полная свобода, чем теперь, но и тем, что существовала революционно-социальная сила, способная взять на себя защиту интересов рабочих. Есть один интересный эпизод - разгром железнодорожного стачечного комитета. Когда в Грозном выездная судебная комиссия судила этот комитет (где-то около семнадцати человек) на площади собралось много тысяч рабочих. Они дежурили около здания суда, соблюдая порядок, тишину, спокойствие. И суд вынужден был оправдать всех членов стачкома, так как власти опасались эксцессов. Когда рабочие провожали на поезд адвокатов из Петербурга, то адвокаты признались: "Не мы добились освобождения, а вы. Своей сплоченностью, своим единством".

С упадком революционной волны к концу 1906-го года отца арестовали, и несколько месяцев он был в тюрьме. Но под давлением рабочих его не могли приговорить к заключению, а просто выслали за пределы области. Он поехал в Баку, потом в Краматорск, где работал на машиностроительном заводе. Это было в начале 1907 года. В Краматорске революционное движение уже было разгромлено, и отец восстановил комитет РСДРП, вскоре по доносам его вновь арестовали. Но жандармы освободили его в надежде выследить.

Отец, имея за плечами уже большой опыт, сумел скрыться. Он вернулся на родину. Там о нем уже шла молва, что он против царя, и все остальное. Отец его встретил враждебно, но мать очень беспокоилась за своего младшего сына. На родине он организовал несколько сот человек крестьян, митинги проводил, а через некоторое время уехал опять в Баку. Там он вскоре получил от матери письмо: "Тебя разыскивают, ты никому из своих не пиши, кроме дядьки Андрея. Мы через него". Это довольно-

таким образом обрисовывает сложность семейных взаимоотношений; приходилось не только с царизмом бороться, но и семье своей противостоять.

Это тот же обывательский страх, который наблюдается и сейчас. Снова оказавшись в Баку, отец возглавил революционное движение в Биби-Эйбатском районе, нынешнем районе Двадцати шести бакинских комиссаров. В Баку всегда было напряженно, даже в тяжкие годы реакции. Этот город являлся школой революционных кадров - там же были Красин, Калинин, Ворошилов, Шаумян, Джапаридзе, Сталин тоже. Все они прошли бакинскую школу. И здесь с девятьсот седьмого по восемнадцатый год, то есть одиннадцать лет, мой отец возглавлял революционное движение в одном из районов города. Февральскую революцию он встретил председателем промышленного комитета Биби-Эйбатского района. На выборах в Бакинский совет он проходил под номером двадцать первым по списку номер пять, т.е. по списку большевистской партии. А там были Шаумян, Джапаридзе, всего более шестидесяти человек. Это говорит об уровне авторитета отца в то время.

После Октябрьской революции, когда специалисты стали саботировать работу нефтепромыслов, ему пришлось заняться организацией работы на нефтепромыслах. В результате добыча нефти возросла, даже по сравнению с дореволюционным уровнем. Но нельзя сказать, что это заслуга Сиуды или даже большевиков. Здесь надо говорить о громадном уровне сознательности и знания дела рабочих разных национальностей, которые работали не под давлением чиновников. Потом наступил голод. Перед началом войны к отцу приехала его мать. Кроме того, на его содержании находилась жена и четверо детей. И большевики настояли на том, чтобы он отправил семью в более сытные районы. Ему дали поручение проанализировать положение на Северном Кавказе и наладить связь Баку с центральной властью. Но, приехав с семьей в Краснодарский край, на Кубань, он увидел, что там уже вовсю поднимает голову контрреволюция. Он вернулся в Баку, доложил обстановку Джапаридзе. В мае месяце восемнадцатого года Бакинская коммуна командировала большой отряд большевиков с богатым опытом на Северный Кавказ, а также через Астрахань для восстановления Советской власти в этих районах. Это не в малой степени ослабило бакинскую коммуна и в какой-то мере предопределило ее судьбу.

Сиуда был направлен на Кубань. Он приехал уже в разгар контрреволюционных выступлений и гражданской войны и сразу же приступил к работе. Когда наши уже отступали с Северного Кавказа, было решено Сиуду и еще двоих товарищей оставить в Ставрополе для подпольной работы. Отец очень скоро обнаружил за собой слежку. Его арестовывали два раза, но он сумел выкрутиться. Когда ему угрожал третий арест, он

скрылся из Ставрополя и приехал в Майкоп. Там у него не было связей, он сам организовал свои группы подпольщиков. Тут тоже его арестовали, несколько раз пытались расстрелять. Но он выдавал себя за поляка, и это во многом его спасало - что он будто бы иностранец.

В двадцатом году, когда белая армия, уже разложившаяся, не могла сопротивляться и вышла из города, в Майкоп, занятый красно-зелеными, вошла конная армия Буденного. Сюда вышел встречать буденновскую конницу на окраину города. Один кавалерист подтянутый, небольшого роста, подскакал к нему и спрашивает, как проехать. Отец показал рукой, не обратив на него внимания. А тот начал заводить разговор и говорит потом: "Слушай, ты меня. Петро, не узнаешь? Это я, Володя. И тогда отец узнал Ворошилова, с которым он был знаком по подпольной работе в Баку еще до десятого года. На следующей день Ворошилов попросил отца провести митинг по поводу похорон трех тысяч расстрелянных и повешенных генералом Пржевальским. Отец описывает эти похороны в воспоминаниях, как было страшно и противно. Позднее он был назначен зампредела революционно-военного комитета Майкопа.

В то время остро стоял вопрос о восстановлении майкопских нефтепромыслов. Сюда был назначен военно-политическим комиссаром майкопских нефтепромыслов с поручением их национализировать и восстановить. Положением было очень трудным. Там не было никакой организации, ни партийной, ни профсоюзной. По триста, триста пятьдесят человек ходили банды бело-зеленых. Не было никакой материальной помощи, никаких субсидий, использовали все старое. И в такой обстановке удалось не только восстановить, но и увеличить добычу нефти по сравнению с предвоенным уровнем. Первого мая 1923-го года майкопские нефтепромыслы были награждены орденом Трудового Красного Знамени, и отец был представлен к ордену и награжден почетным оружием.

Отец с оптимизмом описывает этот период. Но читая его воспоминания, я чувствовал, что разложение строительства социализма началось уже с этого периода, когда в партию влезла всякая шваль. Он пишет, как однажды, при столкновении с этими элементами, ему кто-то сказал: "Сюда, ты стар, ты свое уже прошел". Он сам говорил, что борьба с врагом открытым, внешним, легче, чем с внутренним. Отец верил в дело революции, но при всей этом меня в его воспоминаниях угнетал пессимизм. Чувствовалось, что к концу двадцатых годов он был уже политически надломлен и работал больше по инерции. Но принципиальность оставалась. И вот в декабре тридцать седьмого года его исключили из партии "за прямую поддержку и защиту врага народа Королёва". В то время многие предавали. Ворошилов предал многих своих товарищей, Калинин стерпел даже арест

жены. А большевик Сиуда остался верен своему товарищу по партии и жестко встал на его защиту. Это послужило началом трагедии.

Двадцать девятого декабря тридцать седьмого года его арестовали. В этот день мне исполнилось двадцать два дня. Было конфисковано очень много материалов, бумаг. Перечень мне лотом дали. После пятидесятого года мать встречалась с одним из сокамерников отца, который рассказал, как отец сидел, что было. Когда вели на допрос, он шел своими ногами, а с допроса приволакивали без сознания, окровавленного. Он просидел чуть больше года. Седьмого января 1939-го он умер в тюрьме от пыток.

Мать стала работать заведующей детским садом Донского речного пароходства. Во время войны она жила в Ростове. Немцы два раза оккупировали Ростов. Во время второй оккупации родные детей попросили ее организовать детсад. Она обратилась к командованию, и это ей разрешили. Вероятно, здесь сыграло роль то, что она сама донская казачка, дочь станичного атамана. А что значило открыть детсад во время оккупации? Это, безусловно, максимально содействовало спасению детей. И когда наши освободили Ростов, ее вызвали в НКВД и поблагодарили за это. Это было где-то весной 1943-го года, когда освободили Ростов. А в августе ее уже арестовали. Дело в том, что в этом детсаде проворовалась завхоз. Мать ее несколько раз предупреждала, а потом уволила. А по доносу завхоза, которая обвиняла ее в антисоветской агитации, мать арестовали. Антисоветская агитация заключалась в том, что при открытии детсада мать якобы отслужила молебен.

Ее приговорили к семи годам, что по тому времени был малый срок. А нам назначили опекуна, врача. Мы получали пенсию отца, пайки, семья обеспечивалась. В куда худших условиях сберегались семьи, но старший брат, поддавшись воздействию опекунши, через несколько месяцев сдал нас, двоих братьев, меня и Володю, в детприемник. И еще в течение трех лет после этого он продолжал получать пенсию и пайки на всех троих братьев, т.е. предал нас, братьев. Но для меня страшнее всего, что он разрушил семейный очаг, предал саму семью, память отца, память матери. Помню, когда милиционерша несла меня на руках в детприемник, я устроил истерику, визжал, орал, вцепился ей в волосы. Все: "Домой, домой, домой!" Это было потрясение для меня, тяжелейший удар. Я захлебывался, заикался. В детприемнике несколько дней я находился под наблюдением врача. Потом нас отправили в дошкольный детдом.

Если первые шесть лет жизни я помню, как светлое, радужное время, как семейное счастье, то период в детдомах - это серость. После мать мне говорила по поводу старшего брата: "Я понимаю, что ты многое ему не можешь простить. Может быть, я знаю лучше

тебя, каков он есть. Но я тебя прошу, пока я жива, не враждуй с ним. Умру, тогда уже ваше дело".

Д.М. А что вам в детдоме сказали о матери? Куда она ушла?

П.П. Ничего не сказали. Вообще в детдомах избегали говорить, у кого где родители. Но а общем нас приучали в детдоме к одному: "Родина - мать, отец - Сталин". На этом строилось наше мировоззрение. И мы, детдомовцы, даже соревновались между собой: "За один час жизни Сталина я бы отдал пять лет своей жизни!" Другой был щедрее: "Я бы десять лет". После мать рассказывала нам, что она писала нам письма. Это я уже не помню. Но вскоре она получила письмо от директора детдома с просьбой прекратить переписку, потому что каждое письмо тяжело действует на детей, особенно на меня. А что значит для находящейся в заключении матери потерять связь со своими сыновьями? Но она ради нас была вынуждена пойти на это и потерялась.

Потом брата, который старше меня на пять лет, отправили в школьный детдом. А мы жили, кажется, в сельской местности, на Дону. Очень тяжелое было время, страшно голодное. Прокормить нас не было возможности. Но пытались как-то поддерживать. Каждую весну выводили на подножный корм, показывали, какая трава съедобная, дикий лук, чеснок. Мы почки ели, воробьев ловили, ежей, лишь бы жить. Однажды я уже нарвал целую кучу дикого чеснока, и вдруг из-за кустов появляется брат. Оказывается, он сбегал из детдома, и зная, где я, пришел за мной. У него тоже братские чувства были глубоко развиты. Я увидел его. Ну, я же пацаненок, не понимал, и крикнул: А, Володя!" И бегом за этим чесноком, зная, что он голоден. Здесь меня воспитательницы остановили, и брат убежал. А я, как только появилась возможность, вырвался из-под надзора и побежал за ним. Конечно, я его не догнал. Дошел до какой-то глубокой балки. Она была густо заросшая травой и забита ранеными, безоружными. Они, конечно, накормили меня. И за много, много времени, я нормальной пищи наелся. Вдруг налетели немецкие самолеты и стали бомбить безоружных. Началась кошмарная паника, крик. Последнее, что я запомнил - это то, что на меня упал какой-то солдат.

Как я потом попал в Ростов - не помню. Там меня опять милиция взяла и во второй раз в детдом отправила. Мне было тогда семь лет. В детдоме всем жилось трудно, но младшим было, конечно, хуже, потому что еду старшие отнимали. Но мне повезло. Недалеко от детдома был противотанковый ров, полный воды. Детдомовцы заманили меня туда и спрашивает: "Ты воспитателям говоришь?". Я: "Говорю!" Они меня за руки, за ноги - бух в этот ров. А там в воде я: "Тону!" Вода стояла у меня выше груди. Они меня вытаскивают. Сопли текут, слезы, а я ору: "Скажу воспитателям!" Они меня опять в ров, и так несколько раз. Потом колхозники отбили. У меня было такое упрямство,

настойчивость. Я так и не оказал. После этого лидер активистов стал мне покровительствовать. И ни пайки, ничего у меня не отнимали. Он даже в шахматы научил меня играть. Потом этого активиста застрелил лесник. Ребята здоровые были, росли, есть хотелось, и они залезли к нему в кладовую, наворовали кукурузы. В следующий раз лесник подстерег их и в упор застрелил его. Мы, детдомовцы, конечно, отомстили тому леснику.

Вообще у нас была вражда между детдомовцами и домашними, как мы их называли. Мы стенка на стенку ходили. В этих баталиях нас выручала наша сплоченность. Всего я побывал в трех детдомах, потому что все время убегал. А вот в третьем детдоме меня нашла мать, в пятидесятом году. В это время средний брат, который тогда сбежал из детдома, устроился на военный завод. Но там был мастер - самодур, он отнимал зарплату у пацанов, и брат ушел с завода. Боясь, что его найдут, будут преследовать, он изменил фамилию. Он взял девичью фамилию матери, Лукьянченко. и поступил в фабрично-заводское училище возле дома, где мы раньше жили. Там он учился в ожидании матери - его тянуло к семье. И вот после освобождения мать приехала туда, и соседи сказали, что Володя рядом, кончает ФЗУ. Она уже знала, где я, и взяла меня первого из детдома. Она устроилась разнорабочей на стройке в Горняцке. Денег было мало. Это в пятидесятом году, зечка освободилась, т. е. как холерная, как прокаженная, как в Индии неприкасаемые. И в школе то же самое по отношению ко мне, "сыну политической". Я помню такое унижение, когда в классе собирали по пять копеек на мыло для нас. После этого я просто перестал ходить в школу. Вокруг семьи была создана микроатмосфера отчужденности.

Мать работала на стройке, строили обогатительно-коксовую фабрику. Тогда не было кранов. Она носила кирпичи, по восемь, девять штук в стопке. От голода, от бессилия, она падала с кирпичами, теряя сознание, и у нее из носа и из ушей шла кровь. До такого истощения она доходила и семью содержала впроголодь ради того, чтобы собрать хоть немножко денег и ехать в Москву. Она к Ворошилову пробивалась, хлопотала за старшего сына. В 1947-ом году он получил двадцать лет за вооруженный групповой грабеж в Новочеркасске. Помню, однажды она меня спросила: "Есть возможность рублей за пятьсот купить швейную машинку. Если мы купим машинку, то нам придется сильно голодать, но когда я начну шить, будет легче, я смогу больше зарабатывать". Я, конечно, дал согласие. Она была очень высокого класса модисткой. Эту специальность она приобрела вместе с образованием в гимназии. И мать, как только собирала какую-то сумму, ехала в Москву.

Пробилась она к Ворошилову, где-то в пятьдесят третьем году. Она назвала фамилию. И по телеграмме Ворошилова освободили старшего брата. Он не отсидел и шести лет. Он устроился там и проработал два года. Потом, в пятьдесят пятом году, приехал домой вольнонаемным, без копейки. Рассказывал о лагере страшное. От воли охранника зависело - жить зеку или погибнуть. Это на Колыме. Мать, сама отсидевшая, знала положениис, и поэтому делала все для того, чтобы освободить старшего сына.

Д.М. Какого происхождения была ваша мать?

П.П. Она была из кубанских казаков. Отец ее был станичным атаманом. Это похоже на председателя сельсовета, если перевести на нынешние категории. Конечно, они не относились к категории бедных. Мать закончила женскую гимназию, была образованная, очень эрудированная. После училась на педагогических курсах. В культурном уровне, конечно, мать превосходила моего отца. У него было самообразование, он был развит именно твердым большевиком. Между прочим, во время гражданской войны мать была медсестрой у белых. И первая любовь ее был белый офицер, который потом погиб. Но она была у белых скорее из солидарности с родителями, а на самом деле была именно к простонародью ближе.

Д.М. Отец простил ее, что она была с белыми?

П.П. Они сошлись по любви, именно по любви. У нее были несоднократные предложения, но она очень любила отца. А брат матери, дядя Андрей, когда он узнал, что она вышла за большевика, ее исхлестал кнутом. Он Советскую власть не любил. Сидел четырнадцать лет, тоже по пятьдесят восьмой статье. Но когда он освободился, мать поспешила к нему поддержать брата. У него не было семьи, вообще никого не было, кроме нее.

Личность матери можно увидеть в следующем эпизоде из ее лагерной жизни. Мать сидела в Кемеровской области, в Сибири. Она была экспедитором в лагере, ездила на лошадях за продуктами. Уголовник все равно украдет, но у нее уголовники никогда ничего не воровали, потому что уважали ее, ее даже охрана уважала. И мать узнала, что возчица, которая ездила вместе с ней, была сексоткой, то есть секретным сотрудником, лагерным осведомителем. Однажды зимой, загрузив сани, они возвращались в свой лагерь. Километров за пять до лагеря мать останавливает сани и зовет возчицу, чтобы та сошла с саней. Тогда мать взяла кнут и исхлестала ее. Бросила ее на дороге, сама села в сани и приехала в лагерь. У нее спрашивают: "А где возчица?" Она отвечает: "Возьмите ее там-то". Конечно, она понимала, что за этим могло последовать. Но к тому, что было грязно в ее понимании, она относилась категорично, твердо.

Д.М. Когда вам мать рассказала это?

П.П. После того, как взяла меня из детдома. И про отца рассказала. И не столь ее трагедия меня потрясла, как трагедия отца. В детдоме, без близких, мы были, как отроки, отданные в монастырь, верующие с детских лет в Бога. Только мы веровали в партию, в отечество, в нашу родину. И в нашего вождя Сталина. А мать рассказала страшное. Мы гордились большевиками. И мать рассказала, что отец и был одним их таких старых большевиков. Ближайшими друзьями его были Джапаридзе и Фиолетов - двое из двадцати шести бакинских комиссаров. Детдомовщина воспитала во мне веру в Сталина, в нашу социальную справедливость. И мать своей правдой вдребезги разбила эту веру. Сломалась моя вера, сломались мои идола: "Родина - мать, отец - Сталин". Как святыни они перестали для меня существовать.

Было тяжело еще и потому, что с возвращением матери семьи так и не получилось. Когда мать взяла меня из детдома, я ей очень обрадовался. Но потом я начал ощущать отсутствие заботы со стороны матери. Она под крыло свое взяла младшего сына, но у нее были еще два сына. За второго, среднего, она была спокойна. А судьба старшего ее просто страшила. Для нее это была тяжелая трагедия. И вся душа ее, все помыслы были заняты этим. Я тогда не мог это понять, сейчас могу. Но и она не могла понять, что кроме того, чтобы иметь мать как физическое присутствие, нужно еще иметь мать как душу, как близкого. И я, детдомовец, нуждающийся в материнской ласке и тепле, не мог воспринять эту ее отчужденность.

С возвратом матери я не получил семьи, тепла. Этим обусловлено и то, что и братьев я не приобрел, хотя средний брат был какое-то время мне близок. Я все время убегал из дома. Сколько помню, я не жил более двух ~ трех месяцев дома. Бродяжничал. Например, батрачил у бывшего кулака, который бежал с Кубани. Он формально где-то работал в Ростовской области, но в основном штукатурил у частных, в сельской местности. Там строительство шло, и он зарабатывал хорошо. И в пятидесятые годы я батрачил у него, в буквальном смысле не за деньги, а только за еду и за кров, был у него подсобником, делал и носил раствор.

Д.М. Вы только в Ростовской области бродяжничали?

П.П. Нет, я объездил весь Союз. Место мое самое любимое плацкартное было крышей загона. Таи и спалось хорошо, и меньше ревизоры беспокоили. Но я именно бродяжничал. Не воровал. Может быть, я должен быть благодарен детдому. Единственное хорошее, что он воспитал во мне - это отвращение к воровству. В один из этих побегов из дома однажды я добрался до Президиума Верховного Совета в Москве и устроил там скандал, кричал: Отправьте меня в Суворовское училище. Я хочу учиться! Меня очень привлекало Суворовское училище, Меня взяли за руки, за ноги, отнесли в отделение милиции и потом

в очередной раз отправили к матери. Я характером в мать - иду до конца. Потом, еще несовершеннолетним, я поступил в горнопромышленную школу в Тульской области. И когда мы, пацаны, кончили эту школу, нас направили на шахту. Шахта это была новая, мокрая, с наклонным стволом. Помню, шесть-бис называлась.

Условия жизни были кошмарные. Жили в щитовых домах, зимой укрывались матрацами, в комнате замерзала вода. Мы не могли оттуда уехать, потому что после ПТУ должны были отработать. И еще нас там воспитывали. Приходил воспитатель, лекции читал, газеты приносил. Ну, холодина, кто читал эти газеты? Стопку газет мы бросали то ли на подоконник, то ли на стол. Воспитатель забирает их через день и галочку в отчете ставит.

Однажды сидим мы за столом, все в телогрейках. На столе лежит отопка газет, и воспитатель нам читает всякую пропаганду, блевотину. И я, как бы возражая ему, машинально вожу карандашом по газете, пишу, даже не смотрю на чем. На следующий день мы сидим на кухне, более или менее отогревались. За окном я вижу милиционера в гражданском. Входит один ПТУшник: "Петро, в гости к тебе." Иду в барак, и там ждет этот милиционер, и уже забыл, что он мне сказал.

Через день воспитатель приходит за газетами. Они лежали на подоконнике, уже примрзли. Он говорит: "Зачем же ты с газетами небрежно?" Берет газеты и спрашивает: "Кто это сделал?" Я говорю: "Чего там?" Оказалось, что я написал на статье про пребывание Хрущева и Булганина в Бирме, прямо по диагонали, не выходя за пределы статьи, слово "мура". Я ему говорю: "Отдайте мне". Но он: "Да нет, а то вы со своей небрежностью..." И кладет газету к себе в карман. А после этого приходит ко мне тот самый милиционер в гражданском и устраивает в комнате обыск. Сработала эта статейка. И начали они мордовать, агитировать: "Вот здесь и воруют, и антисоветчина..." В общем, меня вербуют в осведомители. Здесь у меня был порыв, я взорвался: "И отец в тюрьме сгнил, и мать сидела, а вы мне такое!" После этого меня перестали вербовать. Поняли, что напрасно.

Я тогда начал познавать всю сеть осведомительства в СССР. В каждом трудовом коллективе и в каждом учебном коллективе, как в маленьких, так и в больших, есть осведомитель КГБ. Это система доносительства. Потом я сумел перевестись в г. Новошахтинск Ростовской области. Все-таки тянуло к семье, к матери. Но к этому времени вернулся из лагеря старший брат, освобожденный по телеграмме Ворошилова, и жить с семьей я уже не мог. Поэтому, когда началась кампания по поднятию целины, я завербовался в Казахстан. Работал на строительстве железобетонного элеватора. Бетонный узел элеватора был, по существу, сердцем, питающим всю стройку. Мы

работали как волы, но и зарабатывали хорошо, больше всех на стройке. Начальник стройки отнесся к этому с пониманием, а главного инженера возмущали наши заработки.

Когда начальник стройки куда-то отбыл, главный инженер его замещал и первым его действием было - пересмотр расценок. А много зарабатываешь - довести до уровня. И срезали. Бетонный узел моментально стал. Я в этом, конечно, тоже участвовал. Еще незаметно, просто как все ребята. Я, может быть, был самый молодой, но проявил себя в спорах. Помню, я ляпнул такую фразу: "Одному идиоту моча а голову трахнет, а всем остальным после расхлебывать!" Это я сказал главному инженеру. В связи с тем, что я был самый молодой, все, конечно, одобрительно грохнули хохотом, поддержали. А я моментально обрел себе врага в лице главного инженера.

Здесь я опять столкнулся с доносом. Хотя донос служил основным орудием сталинизма, но все-таки доносы презирались в обществе. Мы, молодые, еще не знали толком, что информация о нас бывает известна. Мы недоумевали. Старшие говорили, что среди нас есть доносчик, но мы не знали, кто. Вскоре это выяснилось. У нас не был провозглашен сухой закон, но спиртного на стройку не доставлялось. И вот на 7-ое ноября, на праздник, завезли вино и водку. Денег у всех было много. Стройка была поголовно вся пьяная. Что при этом делала милиция? Подбирали на улице пьяных, забирали ножи, деньги и документы, и вышвыривали из милиции.

Мы там жили в палаточном городке, палатка на шестьдесят человек. Там и взрослые и мы, пацанье. В общем, барак, Ноев ковчег. Все там плыло. Шел я с одним рабочим из палаточного городка, а навстречу нам товарищ, уже протрезвевший. У него все отобрали, и деньги, и документы. Мы пошли втроем в милицию попросить их. В милиции офицер стал читать нам нотацию. А мы же еще пацаны, неопытные, пятимся, пятимся от него, поскорее бы смыться. И не заметили, как мы отошли к стене за дверь. Тут дверь открывается, и входит один недавно демобилизованный член нашей бригады. Не видя нас, он обращается к офицеру так фамильярно: "Слушай, я привел здесь бродягу..." Потом он поворачивается - увидел нас. У него глаза на лоб. Он растерялся и начал что-то бормотать. Мы воспользовались этим замешательством и выскочили из милиции. Но он догнал нас: "Ребята, пойдем выпьем". Я не пошел, и товарищ тоже отказался. Мы двое вернулись в палаточный городок и рассказали ситуацию. Палатка забурлила. Но женщины говорят: Мужчины, не трогайте. Отдайте его нам". Примерно в три часа ночи я проснулся от страшного шума. Оказалось, сто осведомитель потихоньку, крадучись, вернулся и лег спать. Но женщины не спали. Они поднялись и измолотили его кочережками и палками так, что он визжал, визжал, а потом уже умолк. Я видел драки мужиков, жестокие драки.

И в лагере всякое видел. Но более жестоких, чем женщины а эту ночь, я вряд ли видел, хотя он живой остался.

На следующее утро палатка превратилась в фабрику для подделки документов. Смывали в паспортах штампы и прописки. Подделали все и сбежали со стройки. Я вернулся в Новошахтинск, и здесь уже меня призвали в армию.

Д.М. А вы все это успели сделать до восемнадцати лет?

П.П. Да. И когда в армию призвали, со мной тоже произошло ЧП. К этому времени я уже начинал выпивать, т.е. периодически. Когда я напивался, то становился буйным. И вот я сдал свой костюм в комиссионный магазин. Все равно в армии костюм не нужен. Я хорошо напился и здорово подрался с милиционером, "красным околышком". Если сейчас я к ним нетерпимо отношусь, то тогда это было как красная тряпка для быка. Он мне сапогом разбил бровь, сейчас шрам остался. Удалось мне от него удрать, и в военкомат я пришел весь в крови. Меня повели к врачу и на месяц отложили призыв.

В армии меня направили в Запорожье, на курсы радистов-радиомехаников дальней и средней мощности. Учиться было трудно, так как у меня не было даже оконченных пяти классов. Но я успешно закончил учебу. Служба проходила довольно бурно. Я терпеть не мог солдафонство, в том смысле, что подавлялась личность. Например, мы стоим в строю, и я разговариваю с соседом. Идет перскличка, и я машинально не по форме отвечаю, т.е. вместо "есть!" - "а-а". Ночью устроили тревогу, зимой марш - бросок, и еще по грязи. Я отказывался бежать, меня несли. Но солдаты все время меня поддерживали. Когда я попал в госпиталь, солдаты ко мне приходили каждый день. Это была рота наполовину из москвичей и на половину из шахтинцев. И она стала самостоятельной - солдаты не позволяли подавлять в себе личность.

В этот период, 1956г., проводилась кампания по осуждению антипартийной группы: Молотов, Маленков, Булганин, Каганович, Ворошилов, примкнувший Шепилов. И нам предлагали осудить эту антипартийную группу. Созвали митинг с солдатами и офицерами в большом зале воинской части. Я это очень остро воспринял, потому что для меня это была животрепещущая тема - и сталинизм, и преследования в тридцатые годы. Я уже много к тому времени стал переосмысливать. Когда мать освободилась и я узнал правду о трагедии своей семьи, это была трагедия в моем мировоззрении. Да, и еще я знал, что по телеграмме Ворошилова, соратника отца, освободили брата. Тут я увидел очередную кампанию по превращению дела революции в антипартийную группу. Но главное, я понял, что сталинизм еще жив, что так называемую антипартийную группу разоблачают опять-таки по сталинским методам. И я сказал об этом на митинге: "Какое мы имеем

моральное право выступать в роли судей? Мы слышим только голоса обвинителей, а голоса обвиняемых не слышим, а каждый человек имеет право на защиту".

Подавляющая масса собравшихся вообще не приняла участия в голосовании. Голосовали единицы, офицеры и старшины, сидящие в первых рядах, и конечно, голосовали "за". "Против" я один, против именно осуждения. После этого митинга меня стали таскать в особый отдел и в политотдел, т.е. кнут и пряник, кнут и пряник. Особый отдел доводил до слез запугиванием, а в политотделе - мягко, в лайковых перчатках, всякими посулами. Требовали одного: чтобы я подписал резолюцию митинга за осуждение. Психологически было очень тяжело, но я так и не подписал.

Вот с того уже момента, хотя и до этого я участвовал в забастовке на целине, сформировалась активная позиция неприятия сталинизма. Я понял, что не только очередной лидер плох, но что дело в самой партии, которая не имеет ничего общего ни с большевизмом-ленинизмом, ни с идеалами революции. Сейчас вот ученые пытаются объяснить: был ли вариант. Да, нужно выявить основные причины перерождения революции в контрреволюцию. И тогда выяснится: был вариант! Да конечно, красные перья и лоскуты в виде идеологии оставили на обличье режима. Это идеология Октября, большевизма, т.е. чаяния всех трудящихся. Но суть этого режима, его действительность - сталинизм, полностью отражающий интересы партийно-государственного чиновничества.

Как только закончились курсы - сдали последний экзамен в десять часов, и уже в двенадцать: "Сиуда, в штаб дивизии!" Мне вручают пакет, литер, билет и направляют служить в Крым. Ребята все завидуют. Проводили меня целой компанией. Меня на генеральской машине отвез один наш шахтинец, который служил шофером. Ребята доставили вино, и вообще отлично проводили. Приезжаю я в воинскую часть в Крыму - а это аэродромостроительный батальон. Через какое-то время лейтенантик подходит и спрашивает наедине: "А тебя за что сюда?" Я говорю: "Это что, штрафбат?" "Да нет, но все-таки?" Я говорю: "Ну, если все-таки, там документы пришли, осведомляйтесь". Не стал ничего рассказывать.

Там я служил на батальонном коммутаторе, вначале нес и охранную службу. Но когда батальон выезжал на строительство запасных аэродромов, меня никогда не брали с собой, т.е. уже не доверяли. Я уже проявился как инакомыслящий. Там был еще баптист, который отказывался носить оружие. Над ним издевались - на него насильно навешивали оружие. Всегда в стаде находятся мерзавцы, и в том числе среди солдат, которые насильно навешивали на него автомат. Когда я это увидел один раз я возмутился и резко высказался. Офицер там был. После этого прекратили это.

Я все же стал добиваться, чтобы мне разрешили учиться. Из-за бродяжничества все как-то не удавалось, а теперь меня тянуло к учебе. И вот однажды приезжают из штаба армии офицеры, полковники, подполковники. Вызывают сначала меня, потом баптиста. Именно в одной категории мы ходили. Они меня спрашивают: какие пожелания? Я отвечаю, что хочу учиться. "Хорошо, рассмотрим". Через некоторое время меня вызывает замкомандира части и спрашивает: Как мы вам разрешим учиться, если теперь и комсомольцам не разрешают. А вы даже не комсомолец". Мне пришлось вступить в сделку. "Хорошо, - говорю, - я вступлю в комсомол, а вы мне разрешите учиться."

Я месяца полтора пропустил, но пошел сразу в седьмой класс, пропустив шестой. Вот почему я не одного иностранного языка не знаю. Как-то получилось, что сдал экзамен по немецкому, но я совершенно не знаю этого языка. Но школу я окончил. Теперь стало передо мной другое - я стал настаивать, чтобы мне разрешили поступить в техникум. В этом отношении я был наглым. Мне отвечают; "Нет, вот демобилизуешься..." Я говорю: "Ну, тогда к чертовой бабушке ваш комсомол". И чтобы я не уходил из комсомола, мне разрешили. И я поступил заочно в новочеркасский электромеханический техникум.

Поступил в техникум и здесь я уже опять обнаглел: боясь пропустить хоть один день учебы, я обратился с письмом к начальнику политуправления с просьбой о демобилизации. И в самом деле, я отслужил три года, день в день. За мое отсутствие семья переехала из Новошахтинска в Новочеркасск. Там жила моя семья вместе с отцом в начале тридцатых годов. Я приехал домой, но опять семья не семья. И я уехал в Среднюю Азию к товарищам по армии, моим близким друзьям. Там кореец был один и один полу-узбек, полу-русский. Потом я завербовался в Якутию. Кончил я там курсы старшин судоводителей. Это значит водить катера, речные суда по Лене. Но в феврале мы вернулись из Якутска, и нас направили в тайгу рубить лес и снимать почвенные карты. Это адский труд, тяжелые условия, жили в палатках, мороз в пятьдесят градусов.

Хорошо помню день 12-го апреля 1961 года. В десяти километрах от нас был слюдяной рудник. Мы с товарищем отправились туда на почту и слышим по радио: "В космос поднялся человек". В самом деле это произвело потрясающее впечатление, тем более, что информации было мало.

У меня было желание куда-нибудь смыться. Мы завербованные были, а вербовка - это по существу самопродажа. Это самая мерзкая, самая унижительная категория наемного труда, который в Советском Союзе еще существует. Ты заключаешь договор с Оргнабором на определенное время. Но не знаешь, какие там на самом деле условия. Тебя могут обмануть. Получаешь подъемные, рублей шестьсот, семьсот. Часть здесь и часть дают на месте. Приезжаешь, и условия совсем другие, чем те, которые тебе описали. Но

уехать не можешь, так как у тебя нет возможности вернуть эти деньги, чтобы расторгнуть договор. Оказалось, ты по существу продал себя в рабство на определенное время. Я уже имел опыт и я оттуда смылся. И не я один.

Приехал в Новочеркасск, перешел на заочное отделение техникума. И поступил на НЭВЗ, в сборочный цех по наладке пневматики электровозов. Это у меня быстро осваивалось, и я работал хорошо. Я женился тогда в первый раз. Правда, глупо - за один день знакомства. Не было направленности. Перешли мы на квартиру в частном секторе. Квартплата была очень высокая - платили тридцать рублей при моем заработке примерно в сто двадцать. Тем более, что жена как раз в положении была. И вот первого июня, когда началась забастовка, был первый день моего ученического отпуска, т.е. я должен был сдавать экзамены за год учебы, за первый курс техникума. И вот утром приходит хозяйка: "Петро, там вон ревет завод всюю. Что-то случилось".

Д.М. Может быть, здесь расскажете немного о самом Новочеркасске, что предшествовало этим событиям, какие были предпосылки для них. Например, в вашем очерке получается все-таки, что у рабочих было какое-то классовое самосознание. Они, кажется, гордились тем, что были рабочие, с портретом Ленина и с красными знаменами пошли в город, пели революционные песни, призывали к солидарности на других заводах, пытались связаться с другими городами. Откуда все это? Были у них какие-то традиции?

П.П. Нет, как таковых пролетарских традиций здесь не было. До революции промышленности здесь не было. Промышленный район - это уже при советской власти. В тридцать втором году основан электровозостроительный завод, где-то в тридцать пятом году выпустили первый паровоз. После войны уже построен Химзавод, Нефтемаш. То есть все заводы построены в годы сталинских пятилеток.

Д.М. Когда произошли эти события, жители города в основном были коренными или пришлыми?

П.П. Город был раньше столицей Донского казачества, хотя еще до революции утратил это значение. Из тех казаков, которые тут жили раньше, наверное, немногие остались. Но с тех пор, как началось строительство заводов, население города возросло в несколько раз, и в основном именно за счет приезжих из других областей. Но они, хоть и не местные, но к тому времени были уже довольно коренными жителями. У большинства осужденных, например, были семьи, дети.

От дореволюционных времен здесь остался политехнический институт. Потом уже возник инженерно-мелиоративный институт, много техникумов. Исторически так сложилось, что сначала это была столица - административный город, а потом он превратился в студенческий город, город вузов. С. этим связано и снабжение города

продуктами питания - категория студенческая. Студентам, мол, можно победнее. И когда город уже вырос в промышленный, появились десятки заводов и такой завод как НЭВЗ, среди электровозостроительных заводов - крупнейший в мире, там тысяч двенадцать рабочих было - снабжение осталось студенческое.

Снабжение было отвратительное. Недаром я написал, что питание в следственном изоляторе КГБ было лучше, чем на воле. Конечно, там же не тюрьма, приносили пищу из их столовой. А в Новочеркасске рабочие жили в основном за счет рынка. К тому же, если до этого были коровы, какое-то подворное хозяйство, то в результате политики Хрущева этого уже не стало. А если учитывать, что в магазинах ничего не было, за продуктами ездили в Ростов, в Шахты, то к шестьдесят второму году положение с продуктами питания было очень тяжелым. После событий категория снабжения возросла. Рассказали потом, как одна старуха сказала: "Дай бог здоровья всем, кто пострадал, у нас сейчас все появилось в магазинах". Хотя сейчас снабжение очень плохое, но город снабжается по категории не хуже других городов.

Остро стояла и жилищная проблема. Жилучасток довоенного времени, с рабочим городом это бараки еще времен, наверное, возникновения электровозостроительного завода. К шестьдесят второму году было построено всего несколько домов. Проблема была очень запущена. Приходилось снимать в частном секторе и платить от двадцати пяти до пятидесяти рублей. Сразу после событий строительства было ускорено. Сейчас, например, в частном секторе мало снимают квартиры. Правда, чувствуете, как здесь жить? Зимой - это морозильник, летом - парилка, дышать нечем. Ну, трущобы.

Д.М. Насколько снижение расценок задело вас лично?

П.П. Лично по мне повышение цен существенно ударило, да и снижение расценок, конечно, тоже. Это было очередное огульное снижение оплаты труда. Это делалось чисто волюнтаристски. Ведь всякие снижения расценок должны основываться на каких-то доводах, как усовершенствование условий труда или механизация, автоматизация. Эти мероприятия не проводились. Но был план, и показатели по повышению производительности надо было выполнять. Исходили из чего? Средняя зарплата, скажем, сто двадцать. А вот в том-то цехе зарабатывают сто сорок. Можно двадцать рублей снять. И вот совершенно произвольно накручивают расценки, чтобы эти двадцать снять. И не учитывали социальных условий, что многие были вынуждены снимать квартиры в частном секторе, и что приходилось снабжаться на рынке, где цены все время повышались. К тому же в шестьдесят первом году только что произошла реформа денег, которая сильно ударила по рабочим. Это была одна за другой атаки ущемления интересов рабочих.

Д.М. Как реагировали рабочие?

П.П. Ну, ворчали, но ничего не делали. Ведь не сразу на всем заводе списали. С пятнадцатого февраля - сборочный цех. С двадцатого числа - другой цех. Последний цех - сталелитейный. А там везде уже попривыкли. Но нельзя забывать и то, что сталинизм за многие годы приучил к тому, что за двадцать минут опоздания два года срока дают. Например, моя двоюродная сестра за пять килограмм яблок пять лет получила. Правда, это все при Сталине, но наследие того периода еще сильно действовало на людей, трудящиеся были поставлены на колени. Не было тогда, как и теперь нет, ни одной организации, представляющей интересы рабочих. Поэтому, хотя интересы рабочих были болезненно задеты и все возмущались, никто не собирался выступать.

Д.М. Но ведь тогда шла десталинизация - XX-ый съезд партии, и октябре шестьдесят первого года, т.е. немного до новочеркасских событий, XXII-ой съезд, который дал ей новый сильный толчок вперед. Разве это не содействовало раскрепощению сознания у рабочих? Какая была общая атмосфера в стране в связи с десталинизацией?

П.П. Десталинизация была все-таки конъюнктурщиной с целью. Сталин - авторитет. Он умер, и нужно было очередному вождю получить у народа, по выражению Ленина, "вексель доверия", кредит на управление. Каким образом? Развенчали Сталина. Правильно, все это надо. Но развенчали культ личности, оставляя культ партии, как будто партия не была причастна к преступлениям сталинизма и оставалась большевистской партией Ленина. Кому нужен был культ партии? Опять-таки очередным вождям. Сталина уже не было, но был еще сталинизм, отражающий интересы партийно-государственной бюрократии. Вспомним эпизод в армии. Говорят о демократизации, но я только посмел выступить, просто высказать сомнение, свою точку зрения, как я был направлен в стройбат. Была провозглашена демократизация, но сталинизм остался неизблем. Чиновничество позволяло демократизацию до тех пор, пока рабочие не пытались ей воспользоваться, пока практически они не посягнули на суть сталинизма.

Д.М. А рабочие понимали все это?

П.П. Не сразу, хотя со временем разочарование в провозглашенной десталинизации росло. Но я написал в очерке, что рабочие сначала поверили в истинность этих процессов, в которых видели попытку очеловечить социализм. И накануне событий эта вера в какой-то мере еще существовала.

Д.М. И потом объявили о повышении цен...

П.П. Да, рано утром, первого июня, по радио объявили о повышении цен на мясо, молоко, яйца и мясомолочные продукты.

Д.М. Но сказали, что это временная мера.

П.П. У нас все временное. Недаром говорят: "Нет ничего более постоянного, чем временное". Вот уже двадцать шесть лет цепи растут, но не попижаются. Временность становится закономерностью. Рабочие возмущались. Но здесь не было бы, может быть, вообще забастовки, если бы начальство тогда нашло правильный путь. Хотя бы сказали: "Не в нашей власти вопросы установления цен на продукты. Но в нашей власти восстановить расценки. Мы будем теперь обостренно обращать внимание на строительство, снабжение и т.д." Можно было избежать забастовки. Но тут опять своеобразие сталинизма. Не Сталина, а именно сталинизма.

Каждый нижестоящий не ропщет, будь то рабочий перед маленьким начальником или маленький начальник перед вышестоящим, и так до самого верха. То есть к самостоятельности мышления ни чиновники, ни рабочие не были готовы. Но рабочие, в отличие от чиновников, воспитывались на идеологии революции и воспринимали ее. У них была вера в эти идеалы. И когда они столкнулись с действительностью, то здесь и заработал пролетарский инстинкт, именно рабочий инстинкт. "Ах, еще нас оскорбляют?!" И характерно, что директора не тронули. Движение было чисто стихийным - никакой организующей силы не было. Но рабочие знали, что делать. Часть пошла по общежитиям, часть на компрессорный, а другие по цехам. А там уже не надо было агитировать, чтобы поддержали стальных. У всех накопилось. Бросили клич: "Забастовка!", вся боль выплеснулась. Рабочие были готовы, они моментально бросили работу.

Были, конечно, единицы, особенно из пожилых, переживших страх тридцатых годов, которые не присоединились. Но в основном вся масса вышла. Комитет так и не организовался, но рабочие сами знали из литературы и кино, как делали во время революции. Взяли штaketник, повесили на него красные тряпки и остановили поезд. Написали лозунги: "Нам нужны квартиры, мясо, масло". А когда поезд остановился, на борту написали - ну, это юмор, конечно - «Хрущева на мясо!» И сколько бы усилий не предпринимали власти, рабочие поезд не пропустили и движение не открыли.

Пытались также сконтактироваться с другими городами, но все дороги из Новочеркасска были перекрыты кордонами военных и милиции. Уже днем город был блокирован. Например, уехала делегация в Шахты, но ее остановили и завернули назад.

Д.М. Значит, сразу поняли, что надо найти поддержку?

П.П. Да, и в первую очередь, конечно, со стороны остальных новочеркасцев. И смотрите, какое единство! Как только рабочие других предприятий узнали, что происходит у нас, они хотели присоединиться. Вот почему власти испугались. Они боялись возможности массовости. Микоян говорил, что о возникновении новочеркасских событий правительство узнало через двадцать минут после того, как было остановлено

движение на железной дороге. Они поняли, что новочеркасцев могут поддержать другие массы... Вот здесь возникает главная опасность для чиповничества, для сталинизма.

И сразу реакция сработала. Это ж Ленин говорил, что люди делятся на управляемых и на специалистов по управлению, и что специалисты по управлению присваивают себе привилегии. Для защиты их они создают органы насилия, армию, которая запирается на годы в казармы и обучается стрелять в народ. Как только рабочие начали посягать на привилегии чиновничества, отрицать безусловно его диктатуру, то оно перетрусило и бросило на рабочих силы, созданные для защиты своих привилегий - не для защиты социализма, интересов народа, а для защиты собственных привилегий против народа. Понимание этого помогает мне увидеть, что сейчас идет стремление к псевдодемократии, а демократии нет, кроме возможности поболтать. Дают возможность поболтать, да еще и дворцы предоставляют: "Потрепите, поболтайте, поубивайтесь!" Маленький клапан открыли. А вот посмей только создать силы, которые представляли бы интересы трудящихся"! Я не имею в виду, конечно, такую реакционно-провокационную псевдопартию, как "Демократический Союз" Но ведь есть и здоровые силы. Почему им нет возможности для самоорганизации? Да потому, что это угрожает сталинизму. Но я, кажется, начинаю теоретизировать и уходить в разные степи.

Д.М. Вы говорили, что, несмотря на стихийность движения, не было эксцессов.

П.П. Да, со стороны рабочих не было, только со стороны властей. После событий были мобилизованы огромные силы для проведения следствия - не только местные силы, но КГБ из Киева, из Москвы и Ленинграда, копались, уж куда копались, и ни одного случая не нашли, чтобы со стороны рабочих применялся нож, дубинка, не говоря уже об автоматах. Но вот у меня копия одного из приговоров Верховного Суда РСФСР, по этому приговору было расстреляно семь человек. Их обвиняли в хулиганстве, бандитизме, в массовых беспорядках. Но ни одного факта не приводили. Ни одного стекла рабочими разбито не было, ни одного случая погрома не было.

Вот случай с главным инженером Елкиным, единственным среди партийцев, у которого хватило принципиальности, чтобы выйти говорить с рабочими, хотя, опять-таки, он не был уполномочен и не мог на вопросы ответить. Это вызывало у нас возмущение. Но когда рабочие затащили его в кузов грузовика и попытались избить, я был среди тех, которые встали в цепь и защищали его, потому что считал, что насилия не должно быть. И Елкин не пострадал. Словом, эти обвинения - наглая ложь.

Любопытно, что потом властями был пущен слух, что в Новочеркасске взбунтовались казаки. Мне лично приходилось это слышать в поездах. Но казаки бы не так действовали. Они бы, как говорят, саблю подняли. А рабочие-то действовали теми методами, которыми

пользовались пролетариат и большевики до революции: призывали рабочих других предприятий и городов присоединиться к своему движению. Еще до этого вышла группа руководителей цехов, партийных и профсоюзных деятелей. Вот, кстати, цена профсоюзам: они оказались не на стороне рабочих, а на стороне администрации. Одели повязки и стали ходить, создавая цепь. Начали уговаривать рабочих, что нужно пропустить поезд. Но рабочие: "Нет, ни в коем случае". Мы говорили; "Если один поезд пропустить, значит - открыть движение". Это был принципиальный вопрос. Но поезд был пассажирский. Там были люди, дети, стояла жарница, не было воды. Поэтому мы решили - пусть отправляют поезд окружным путем. Его на самом деле после сдали назад на станцию. И вот тут выступил Елкин.

И сколько не было попыток, провокаций, рабочие не поддались. Вот, например, история машины с ситро. Чистейшая провокация. Стояла жарница, духота страшная, и всех нас мучила жажда. Это было сделано специально, чтобы провоцировать неорганизованных людей на погром. Но они не клюнули, хотя, конечно, были провокационные призывы взять ситро. И буквально через несколько минут раздались возгласы: «Милиция приехала!» - т.е. все это было отрежиссировано. Милиция построилась на футбольном поле в две шеренги, более ста человек, а между тем машины, которые их привезли, разворачиваются, чтобы усхать. У меня сначала как-то "Ах!", внутри что-то оборвалось. А потом "Ага, вот стычка! Мерзавцы!" И какой-то взлет.

Что случилось потом, было как будто бы из кинофильма - массы народа, охваченные революционным порывом, как лавина, несутся. Милиция, как только увидела эту стену людей, несущуюся им навстречу, моментально рассыпалась на наших глазах и ходу, уходящие машины едут, а они бегут за машинами и цепляются, кто как может, трусость была там невероятная. Только двое пожилых старшин осталось, сердце у них схватило. И их не тронули, только по-русски сказали: "Не суйтесь". И они спокойно ушли.

Тут возник митинг, и я хочу уточнить: не было призывов к захвату власти в городе, к захвату горкома, горисполкома, штабов органов насилия, тюрьмы. Этого не было. Были призывы к захвату некоторых госучреждений, особенно почты и телеграфа, с целью связаться с другими городами, объявить на весь Союз о том, что происходит в Новочеркасске и призвать к поддержке. И когда раздались эти призывы, я выступил и сказал, что власти заинтересованы именно в этом, чтобы со стороны бастующих были экстремизм и насилие. Наша сила - в единстве и сплоченности. И я призвал выйти завтра на работу, к работе не приступать, но собраться и идти демонстрацией к горкому партии.

Там выработать требования и предъявить их властям. И если призывы к захвату почты, телеграфа не были поддержаны толпой, то мои слова вызвали дружную овацию.

Во время митинга несколько молодых ребят полезли на фасад заводоуправления, без всяких подсобных средств, чтобы снять лозунг Хрущева. Но невозможно было весь лозунг снять, потому что он был металлический. Так ножом вырезали само "Н.С. Хрущев" из плаката. Потом решили: "Ну, давай соберем все его портреты, на кой черт он нам нужен?" И пошли к заводоуправлению. Но двери были закрыты и внутри стояли дружинники. Стали давить. Фамилии в приговорах есть. Распахнули дверь, одному по спине дали пару тумаков, и пошли по кабинетам. Там половина заводоуправления еще была. Снимали только портреты Хрущева, других не трогали. О погромах речи не было. Собирает портреты, в окна бросают на площадь, и там их складывают в кучи и устроили костер.

И вот когда прошел митинг, подошла жена и стала меня просить вернуться домой. Люди уже стали расходиться, договорившись, что на следующий день соберутся. Мы с женой пришли домой часов в двенадцать.

Д.М. А где все это время был директор завода, секретарь парткома?

П.П. Директор завода где-то в кустах бегал, паниковал. Может быть, его уже таскали по партийным и прочим инстанциям. А секретаря парткома не было и слышно. Правда, первый секретарь обкома, Басов, попытался с рабочими говорить. Но как? С третьего этажа заводоуправления. Это же пренебрежение. Рабочие себя уже чувствовали свободными, раскрепощенными и не могли терпеть, чтобы с ними говорили высокомерно, свысока. И полетели бутылки.

Д.М. Какое было настроение у рабочих?

П.П. Может быть, это кошунственно звучит, но это было счастливое время, время духовного раскрепощения, и настроение было боевое. Была независимость, свобода. Да, она была кратковременная, но все-таки она была. Понимаете, все время было рабское ощущение: что начальник скажет, подумает? Здесь этого уже не было. Поэтому, если бы вы у кого-нибудь из новочеркасцев попросили построить события хронологически, то вряд ли он мог бы это сделать. Рабочие на часы не смотрели. Это можно сделать только по данным органов насилия, которые вели учет этих событий. Слишком мы чувствовали себя свободными, мы дышали воздухом свободы. Лично я, дыхнув тогда воли, уже не мог встать на колени и продолжал так всю жизнь. Но нигде никогда больше я не чувствовал такой полной свободы. Да и сейчас я этого не чувствую, потому что вижу реалии. У многих тогда произошел душевный переворот. Многие, как говорится, после этого прозрели. В этом как раз и заключается суть событий: "Пусть ничего не будет, пусть город

так же снабжается, жилищного строительства не осуществляется, пусть так. Но уже в одном цепшость этих событий, что они сорвали маску с действительности. Что власть - народная, предприятия - народные."

События показали, что общество у нас антагонистическое, что государство над народом, не для народа, что существует класс эксплуататоров - партийно-государственное чиновничество, стоящее на платформе сталинизма, - и класс эксплуатируемых, которым оставили в виде соски идеалы революции.

Д.М.. Как Вас арестовали?

П.П. Ночью, примерно в начале первого, появились танки. Рабочие, молодежь пытались им преградить путь скамейками и т.п., но они, конечно, моментально прошли. Меня разбудили "взрывы", произведенные ослепленным танком к пяти часам. Я побежал на завод и там увидел вооруженные войска. Те, которые ко мне подошли, были кавказской национальности. Я не в упрек им. Власти использовали этот момент, когда увидели, что местный гарнизон ненадежный.

Вскоре после этого меня арестовали и повели в заводоуправление, в приемную директора завода. Минут через пятнадцать меня посадили в машину и повезли в милицию, в горотдел. Дней через семь-восемь нас с еще одним товарищем повезли в Ростов. Привезли меня в Ростов в следственный изолятор КГБ. Там была полная гробовая изолированность от внешнего мира. За это время мать не знала, что меня арестовали. Я пропал. Она беспокоилась, что я убит, искала меня. Потом ей сообщили, что я арестован. Она сразу написала письмо Микояну, где напомнила об отце и попросила помочь сыну.

В то время старший брат работал то ли старшим мастером, то ли замначальником цеха на заводе. Он стал расти. А как он стал расти? В сорок седьмом году их была банда из восьми человек. Заходят в столовую с одним пистолетом, и - руки вверх, ложись! Берут кассу и две - три бутылки водки. Жили они в общежитии, как раз недалеко от заводоуправления. Однажды после очередного налета, они спали, напившись. Взломали дверь и арестовали семь человек. Восьмой пошел на свидание к своей девушке, шестерым дали по двадцать лет и одному, сыну прокурора, у которого было шесть лет условных, дали двадцать пять лет. А восьмого они выгородили. Тогда был воровской закон: поймали, бери на себя вину, и других выгораживай.

За эти годы, пока старший брат сидел, этот восьмой стал преуспевать в карьере. Он уже был замначальника цеха. И под его покровительством мой брат стал расти. Сам брат отказался давать показания против меня, но все свидетели против меня были или подчиненными его или его близкими друзьями. И самое характерное было то, что именно

с судимостью за бандитизм мой старший брат вступил в партию - именно в это время. Мне как-то сообщили, что они рекомендовали, чтобы его приняли в партию.

После трагедии он куда-то с женой собирался в гости с пышным букетом цветов. Приходит мать и просит его помочь брату. Он говорит - некогда. Она начала его обвинять, и он ударил ее так, что она упала, потеряв сознание. И еще он говорит: "А, притворяется, сука". Облил ее ведром воды и ушел. Это после мать мне рассказывала. Восьмой бандит, некий Шевцов Владимир Семенович, в настоящее время сделал карьеру.

Во время событий он был уже председателем заводского профкомитета. Потом стал секретарем райкома партии и после первым секретарем горкома партии. А сейчас он не кто иной, как председатель областного комитета народного контроля. Это, я думаю, все-таки характеризует наши моральные ценности.

В Ростове на второй день меня вызвали и показали дело отца. Конечно, у меня ком в глотке, и глаза вылезли на лоб. Я спросил: "Какая была суть обвинения?" Следователь отвечает только: "Да, по тому времени оно было слишком легковесным", - но сути так и не сказал. Я спрашиваю: "Можно ли мне из дела что-нибудь заполучить?" Он отвечает: "Нет, ничего не сохранилось". Я возмутился, но он вежливо сказал: "Вы извините, я выполнил свой долг. Я должен вас поставить в известность, что вы имеете право требовать денежной компенсации".

Д.М. А вы других не осуждали?

П.П. Нет, я не осуждал. Почему и приветы передавал. Всех я после в тюрьме и в лагере видел. После этого решили дать мне психологический отдых. Поэтому меня отправили в тюрьму. На самом деле это была камера метра в два шириной, метра в три длиной. А там человек что-то двенадцать сидело. Нары, клопов полно. А рядом камера сумасшедших. Там уголовники "косили", т.е. притворялись сумасшедшими, чтобы не подлежать суду. Мы им курево бросали, что могли. Перед нами им "косить" было нечего.

Однажды открывается дверь и входит старший сержант. После говорили, что он воспитатель в крыле крытников и приговоренных к расстрелу. Видите, воспитывают даже тех, которые приговорены к высшей мере наказания. А крытники - это крытая тюрьма. Никуда не водят, только на прогулку на двадцать минут. Это для особых преступников. Приговаривают к крытой тюрьме на очень короткий срок. Приговор в таком случае обычно так звучит: к двум годам тюремного заключения, к тридцати годам исправительно-трудовых колоний.

И вот старший сержант влетает в камеру, и все встают, как сельди в бочке. Он: "Фамилия, фамилия, фамилия!" И каждый отвечает. Так повторяется - неожиданно влетает, так действует на психику. И вот однажды: "Фамилия, фамилия, фамилия!" Мы

сказали, а он: "Сволочи, негодяи, мерзавцы, вам бы вот в Иваново-Вознесенске. Во там как пад текстильщиками издевались!" - т.е. как в дореволюционное время охранники расправлялись с ивановскими рабочими. Это меня взорвало. Я говорю; "Кто вам дал право повышать голос на нас?" "Кто такой?" Я говорю: "Я уже сказал фамилию". "Выйди из камеры!" Выхожу, а он передо мной связкой ключей от камер машет. Орет, и я ору. Он: "Прекрати!" Я: "Вы прекратите!" Он тише, тише, тише и в камеру меня. Подают обед, и я говорю: "Я отказываюсь от приема пищи. Вызовите прокурора". Правда, часа через два вызвали прокурора. И тогда же я подписал дело о передаче в суд. Я говорю прокурору, и он передает начальнику тюрьмы: "Примите меры, чтобы впредь ни в коем случае подобного не повторялось». И на самом деле, за все время не было случая, чтобы с новочеркасцами кто-то хамил.

Д.М. Как прошел суд?

П.П. Нас судили вместе семь человек. Там процессы были по пять человек, по три, по десять, по двенадцать. По-разному. По нашим подсчетам, всего судили не менее ста пяти человек. Этот список мы составили потом в камерах. Мы собрали сто пять фамилий, но я убежден, что было намного больше. После стычки с охранником меня опять отправили в следственный изолятор КГБ, и до самого суда я там был. И там как? "Петр Петрович, мы убедились, что Вам плохо там, режим не тот, и грубость. У нас лучше". А на суде я присутствовал как будто в дурмане. Воспринимал суд очень равнодушно. Я обрадовался встрече с товарищем и разговаривал с ним.

С нами был один рабочий - он еще на заводе работает, - который умственно ненормальный. Даже по нашему законодательству не имели права его судить. Мы с ним шутили. Я ему говорю: «Ген, слушай, ты вот встань сейчас и скажи судье: "Товарищ судья, вы знаете, меня очень бабушка с дедушкой любят, папа с мамой, и они хотят со мной срок поделить. Вы учтите это, что вместе мы будем сидеть - бабушка, дедушка, папа, мама и я".» Он встает и все улыбаются. Вы представляете, как суд проходил, а мы сидели в загородке и шутили. Меня предупреждали; "Сиуда, прекратите, или Вы будете удалены из зала!" А охранники мне угрожали: "Вот только кончится суд, мы тебе устроим!" И приговор - двенадцать лет - я воспринял абсолютно спокойно. Вероятно, тот порог, который я перешагнул в обработке, обусловил это равнодушие. Для матери, конечно, это было потрясение. Меня приговорили за активное участие в массовых беспорядках.

Д.М. В очерке Вы написали, как ваша мать приехала жить недалеко от Вас. Только у Вас была такая мать?

П.П. Да. Она снимала квартиру в Синдоре, жила там по несколько месяцев, много там жила. Она шила, чтобы кроме пенсии зарабатывать. И она там подкупила всех этих охранников. Они дешево продаются. Еще она ездила в Москву, ходила по прокуратурам. Она мне рассказала, как однажды в прокуратуре ей говорят; "Марья Петровна, посмотрите, что Ваш сын пишет - что он один ленинец, а все мы не ленинцы. Ну, как мы можем его освободить?" Речь шла о том, что когда я писал в эти инстанции, я всегда называл расстрел преступлением перед революцией. Они мои слова интерпретировали так. Я все отказывался раскаяться. И мне пообещали: "Все освободятся - ты будешь сидеть. Срок кончится - ты будешь сидеть".

Д.М. Как сложилась ваша жизнь после лагеря?

П.П. Я вернулся в Новочеркасск, на НЭВЗ. Кагэбээшники не вызывали к себе, но приходили в заводоуправление и говорили; "Петр Петрович, вот если вас кто-либо упрекнет, что Вы сидели, если будут какие-либо ущемления, вы обращайтесь к нам, и мы будем принимать меры". В тоже время, где бы я ни работал - а за эти годы проработал все-таки во многих местах - везде я слышал, то ли доброжелательно, то ли недоброжелательно: "Звонили, спрашивали о тебе, как и что. И вот на тебя характеристику запросили". Это из КГБ звонили. Таким образом, я все время находился под колпаком. Не было у меня намерения первое время заниматься политической или какой-нибудь деятельностью. Но штамп все время был, что я политический, т.е. судим за Новочеркасск.

В первые годы я не думал о политике, потому что не ладилось у меня с первой женой. Ну, двенадцать лет, а для нее это был кошмар, тем более, что мы спонтанно женились. Поэтому она меня практически не ждала. Я два года пытался наладить семью. Даже уезжал в сельскую местность, от матери, от тещи, ото всех. Не получилось.

Д.М. А остальные тоже вернулись в Новочеркасск?

П.П. Да, многие вернулись. Но многие опустили, почти все. Ну, и пьянство, и кто пошел по лагерям второй, третий раз, уже по уголовным делам. Другие от страха замолчали.

Д.М. А как Вы пришли к политической деятельности?

П.П. Мое становление как "антисоветчика" - так называли - началось вот с чего. Я закончил техникум по холодной обработке металлов. Потом я поступил на Нефтемаш работать конструктором. Эти два года с половиной, когда я работал на Нефтемаше, были самыми светлыми в моей жизни. У меня очень плодотворно шла работа. Я, например, за год дал по своим рацпредложениям сто двадцать тысяч экономии. Вот одно из моих

усовершенствований понравилось там, и предложили как изобретение подать. Но подавать - подавайте, плагиаторствовать - плагиаторствуйте.

Меня возмутило, что одного партгруппорга включили в соавторы. Он никакого отношения к этому не имел. Но главное - это лодырь, бездарь, сонливый, нарушитель сандисциплины, и на собраниях он всем читает мораль. Бывало, он спит, и ему задницу или фигу на ватмане нарисуют. Издеваются. И его включают в соавторы! Моя, может быть, хорошая или плохая особенность - не ищу компромиссов. Я категорически требовал, чтобы он снял свое имя. А он защищается. И после стычки он мне говорит; "А что ты сюда лез? Ты судим был в шестьдесят втором".

И вот здесь я пошел в разнос. Тогда я написал первое открытое письмо. И вот здесь началось преследование. Я только в отпуск пошел, как целую такую бригаду замечаю за мной. Это ни в коем случае нельзя назвать слежкой, это самый натуральный шантаж. Они ходили практически на пятьдесят, на двадцать метров от меня. И на машинах тоже. Жена вначале не поверила. Она взяла на несколько дней отпуск, и я стал их фотографировать, внаглую - тех, кто меня преследует, у них микрофотоаппарат был в футляре, а объектив сбоку. Они меня фотографируют, я их. И здесь началась самая настоящая травля. Если я в Москву поехал, они меня провожают.

В Москве был такой случай. Я кружил их в Филях, их было пять человек в машине. Там спуск такой, и они за мной. Думали, что пологий, а на самом деле ступеньки. И они по ступенькам в машине проехали. Потом выскочили их машины, схватили меня: "Голову открутим, голову переломаем. Мотай из Москвы!" Я был там со своим открытым письмом и решил его вручить ЦК и КГБ. В КГБ состоялся очень тяжелый разговор. Я говорил: "Вы - преступный, палаческий орган! Вы все в крови! Вы погубили революцию!" А они: "Петр Петрович, Вам, может быть, помочь лечиться?" После этого я написал "Заметки инакомыслящего". Это было уже в середине семидесятых годов.

Д.М. У Вас были какие-нибудь связи с "диссидентами"?

П.П. Нет, я только так - посылал письма, протесты в "Правду", в "Литературную газету". Между прочим, и "голосов" я не слушал. У меня не хватало терпения их ловить. Их ведь глушили. Но зачем мне? Для меня лично очевидно, что это в основном самореклама. Я не ищу там истины. "Голоса" слушают те, кто нуждается в информации для переосмысления. Мне это не нужно было, потому что я признавал действительность в том виде, в каком и видел.

В "Заметках инакомыслящего" в семьдесят шестом году я написал: «Действительность ничего общего не имеет с революцией. Она преступная по отношению к революции, к марксизму-ленинизму.» Я показывал, что для рабочего нет разницы между властью

капитала и "социализмом" в той форме, которая у нас имеется. Это лжесоциализм. Мне в свое время уже кое-кто говорил, что для таких, как я, лучше уехать из страны. Но я отвечал, что мне неинтересно уезжать отсюда. Там я никому не нужен, а здесь интересно бороться.

Д.М. Вы тогда еще работали на Нефтемаше?

П.П. Нет. Я до этого, когда пошла травля КГБ, уволился. Невозможно стало. И тут попытались меня раздавить тем, что нигде меня не принимали на работу, А что такое в Советском Союзе не иметь работы? Прихожу, а мне говорят: "Мест нет". Я: "Объявление висит, приглашают на работу". Мне закрыто было. Десятки предприятий я так обходил. Ездил в шахты. Ничего. Наконец я устроился на шарашкину контору, самая бросовая, где нет правил. Это сантехмонтаж, сантехническое оборудование. Прихожу, берут документы и говорят: "Выходи завтра на работу". Здесь кагэбэшники уже ничего не могли сделать, потому что меня на работу сразу приняли. Они в этом деле закулисно действовали, а здесь уже пришлось проявить себя. Они на это не пошли. Но это не раз со мной случалось. По несколько месяцев я был без работы. Это один из способов раздавить человека. Он и сейчас применяется в более скромных масштабах против неугодных в общественном движении.

Второй раз я был без работы после операции. Вырзали две трети желудка, а после операции желудок должен был растягиваться. Но этого не случилось. Редчайший случай - желудок не растягивается, и сразу вся пища летит в кишечник. Ну, инвалидом остался, и здесь сразу целый букет болезней. И опять я не мог устроиться несколько месяцев на работу. С великим трудом, когда был в отчаянном состоянии, я устроился инженером-конструктором в Научно-исследовательский институт электровозостроения. Они же знали мой политический статус инакомыслящего, и я мог позволить себе все. Например, я не ходил голосовать.

В начале восьмидесятого года были очередные выборы в Верховный и местные советы. Я опять не пошел на выборы и жене запретил бросать за меня бюллетень. В двенадцатом часу приходит замсекретаря парткома вместе с одним, одетым в штатское. Спрашивает, почему я не иду голосовать. Ведь можно и вычеркнуть. Я отвечаю, что это тоже участие, и я не могу таким образом признать правомерность этой системы без выбора. Потом он стал говорить о положении в Афганистане, и я ему сразу оказал, что это преступление, последствия которого непредсказуемы. Еще я сказал, что мать, давшая жизнь ребенку, не имеет права распоряжаться его жизнью, тем более чиновники не имеют права распоряжаться человеческими жизнями. И он ушел. Даже в наши дни перестройки он председатель горисполкома.

В восьмидесятом же году мне устроили еще одну провокацию, в результате которой я был здорово избит. У нас есть категория полупреступников, которые все время нарушают закон, но которым покровительствует милиция. Она же их использует в качестве доносителей, чтобы знать, что происходит, и в виде исполнителей для избияния. Я тогда был председателем садоводческого товарищества и много работал для улучшения положения владельцев садовых участков, которые были совсем бесправные. Однажды с одним пенсионером мы пошли к пивному ларьку. У меня был с собой трехлитровый пустой баллон. Подходим - ларек закрыт. Но стоит машина. А этот говорит: "Вон милиция закрывает ларек". Но милиция меня увидела, вышел один из машины, подошел к ларьку, и ларек открылся. Очередь там человек шесть-семь. Я тоже встал в очередь, и за нами еще человек восемь. Я взял по две кружки пива на двоих и баллон. После меня еще двоим пиво дали, и ларек опять закрыли. То есть, явно дождались, пока я не взял пиво.

Я поставил баллон на стойку, и мы пьем из бокалов. Подходит один, так развязно. Видит - ларек закрыт. Потом указывает на баллон и говорит: "А, вон пиво, ларек открыт!" Я накрываю баллон рукою и говорю: "Ларек закрыт". Он проходит мимо и меня в бок, в область печени ударил, и идет за спину. У меня реакция моментально сработала. Он меня справа ударил, я хватаю баллон, налево поворачиваюсь и ему об голову этот баллон трахнул. Баллон разбился вдребезги. Я сразу понял, что к чему, и говорю товарищу: "Уходи спокойно, не беги, туда, где побольше людей". Там было не менее шести, которые меня избили. Прибежали дети к жене. Она прибежала, приехала и милиция. Меня доставили в больницу, но там никакой помощи, даже не спрашивали, что у меня болит. Я просто лежал в палате. На второй день говорю супруге принести одежду. Она наняла "скорую помощь" и довезла меня домой. Еле-еле поднялись. Позже, правда, сами приехали из горздравотдела спрашивать, что случилось. Врач стал ко мне ходить домой. Наконец, меня в больницу положили. Мы с лечащим врачом стали потом близкими друзьями.

В восемьдесят втором году наступил, пожалуй, наиболее тяжелый период моей жизни. Восемнадцатого октября меня вызывают в ростовский облпартархив. Там мне говорят, что пришел запрос из Центрального партархива Института марксизма-ленинизма, запрашивают сведения в связи с партийной реабилитацией моего отца. Я говорю: "Как?! Еще в тридцать девятом году реабилитировали". Они отвечают, что реабилитировали его в правовом отношении, но не в партийном. Я говорю: "Но это же должно быть само собой". "Нет, это делалось в пятидесятые годы по заявлениям". Тогда же я написал заявление, как мне сказали, и отнес его в обком. Но зная уже, как партийные органы меня расценивают, приехал домой и сразу написал еще одно заявление в ЦК.

Девятнадцатого меня вызывают в обком и мне говорят, чтобы я взял заявление обратно - его не принимают. Почему? В заявлении написано, что дело прекращено за недоказанностью обвинения, а в справке должно быть «за отсутствием состава». Вот такая придирка. Со мной говорил Н.Я. Ярославский, член комиссии партийного контроля при ростовском обкоме КПСС. Только позже я узнал, с кем я имею дело. Подождите, скоро будет ясно. Седьмого января 1983-го года меня снова вызывают в ростовский обком. Там заведующий отделом горкома по партийно-организационной работе Староверов, вместе с инструктором обкома стали меня пугать, чтобы я прекратил писанину. Пошел резкий разговор. Мы ни к каким выводам не пришли, и я ушел ни с чем. Седьмое января - это день смерти отца. Вызвать меня в этот день на такой разговор - это было для меня кошмаром. Но десятого уже мне звонят домой: "Петр Петрович, приходите в удобное для Вас время. Поступили материалы из комитета партийного контроля". Там были выписка из протокола Комитета партийного контроля и письмо от Пельше о партийной реабилитации отца.

Но формальная реабилитация - это одно, а восстановление имени в истории страны - совсем другое. Для этого надо собрать архивные сведения, показать революционную деятельность отца. Это, в принципе, дело партийных органов, архивистов, историков. Но, конечно, я знал, что никто из них не возьмется за это. И я взялся сам. Это борьба за восстановление имени большевика, борьба, которая длилась шесть лет, была самой тяжелой в «оси жизни». И вот вскоре я стал замечать, что куда бы я ни писал в поисках материала об отце, вначале отношение ко мне хорошее, а потом уже со мной дела иметь не хотят. Система такая: я обращаюсь в высокие инстанции, и те обращаются в обком за сведениями обо мне. Обком в свою очередь поливает меня грязью. Конфликт бурно развивался - пришлось больше семисот писем написать. А мне стало все тяжелей и тяжелей. Речь шла не обо мне, а о большевике. И на каждом шагу я встречал ярый антибольшевизм.

Одна только жена знает глубину моего отчаяния. Двадцать четвертого мая 1983 года я собрал все наркотикосодержащие лекарства и все выпил. Когда жена пришла, она догадалась, в чем дело, и вызвала скорую помощь. На пятые сутки я стал приходить в сознание. После этого дело отца совсем сталоглохнуть - мало кто со мной стал переписываться. Я понял, что воспользовались этим эпизодом, чтобы против меня применили клеймо "психушка". А со мной случилось то же, что и в шестьдесят втором году, когда после попытки самоубийства я равнодушно воспринял суд. Точно так же в восемьдесят третьем году во мне что-то закаменело. Я стал воевать, обвинять жестко, бескомпромиссно. Я ездил в Азербайджан и, в конце концов, собрал более ста всякого

вида документов. Сейчас-то именем отца названа улица в Нефтегорске, мемориальная доска поставлена, появился ряд газетных статей. То, чего я добился, стоило мне очень дорого.

Ну, антибольшевизм так и остался антибольшевизмом. Но в этой борьбе я позабыл о новочеркасской трагедии. Но материалом в Москве занимался один профессор, доктор исторических наук, фамилии которого, наверное, не стоит упоминать. И вот осенью прошлого года он говорит: "Петр Петрович, пора Вам поднимать вопрос о реабилитации матери и себя". Приехал я домой и подумал; "Он сказал о реабилитации матери... и меня". И в декабре месяце я подал по три заявления в каждую инстанцию: в ЦК КПСС, в президиум Верховного Совета СССР и в Верховный суд. Заявление не было шкурно о моей реабилитации, но о реабилитации самих событий. И тут один очень любопытный факт. Когда я начал писать заявления о реабилитации событий, я решил приложить к заявлению имеющиеся в моих архивах копии двух приговоров. Я начал перепечатывать приговор семи человек, самый жестокий приговор, по которому я был судим - и ахнул. На первых же строках я встретил знакомую мне фамилию: председатель судебного заседания, на котором меня приговорили к двенадцати годам лишения свободы, был не кто иной, как Н.Я. Ярославский, тот самый, который потом стал членом комиссии партийного контроля ростовского обкома и препятствовал моим усилиям по восстановлению имени отца. Вот уже второй раз дело отца переплелось с моим.

Д.М. Какой ответ вы получили на эти заявления?

П.П. По закону предусмотрен максимальный срок три месяца. Заявления я подал в декабре. Я прождал три месяца, и никакого ответа. Зная по уже богатому опыту, какая борьба мне предстоит, я в марте уволился с работы и начал готовиться к затяжной борьбе.

Д.М. А чем же вы теперь живете?

П.П. Бедствую.

Д.М. А вы не боитесь, что вас заберут за тунеядство?

П.П. Но я ведь занимаюсь общественно-политической деятельностью. Я уже объяснил это чиновникам. И Горбачев, и Лигачев, и первый секретарь обкома Володин, чем они занимаются? Общественно-политической деятельностью. Только они получают за это хорошую зарплату и блага. Я ничего не получаю. Почему тогда я не имею права этим заниматься?

На этот раз я не пошел на волокиту с чиновниками, на переписку и т.д. В середине апреля я приехал в Москву и сделал первое свое публичное заявление в дискуссионном клубе Комитета защиты мира. И вот в начале мая получаю первое письмо - ответ из облпрокуратуры: "Ваши заявления по реабилитации гражданки М.П. Сиуды и Вас

рассматриваются. Из-за большого объема работы... о результатах будет сообщено..." Пустая отписка. Я как будто не заметил ее и продолжал действовать. Через месяц пришло еще письмо от прокурора. Опять там "из-за объема... дела рассматриваются", но потом: "дело четырнадцать направлено в прокуратуру РСФСР... по поднадзорности". Это уже более или менее похоже на деловой ответ.

Но результатов до сих пор нет - ни по матери, ни по Новочеркаску. По матери нет, потому что они не рассматривают, справедливое или несправедливое было решение суда. Они рассматривают вопрос в другом ракурсе: каково будет окончательное решение ко мне, т.е. вопрос не решается в зависимости от сути дела, а от того, кем является заявитель. Какой же тут может быть вопрос по отношению к матери, которая спасала детей? Сейчас речь идет даже об отмене статьи, по которой ее судили. Сталинские начальники концлагерей не преследовались, а вот завдетсадом, которая спасала детей, преследуется. (Впоследствии мать была реабилитирована - Д.М.)

Д.М. В вашей борьбе за предание гласности новочеркасских событий и за реабилитацию жертв государственных репрессий нашли ли Вы поддержку среди тех, кто остался в живых, или среди родственников убитых?

П.П. Единомышленников я нашел, но соратников - нет. Вот статья о событиях появилась в "Комсомольце" в ответ на мой очерк, конечно, в совершенно искаженном изложении. Я ожидал, что хоть кое-кто из новочеркасцев обратится. Но все страшно перепуганные. Ко мне пришел только один. Он как бы одобряет, но какая-нибудь деятельность - это ему страшно. И семья есть, и т.д. Зачем ворошить старое? Зачем опять обращать на себя внимание? У меня был даже звонок один, от жены одного, который судился вместе с четырнадцатью людьми: "Дети не знали, что он сидел, а из-за тебя узнали". Понимаете, какая атмосфера? Вообще, Новочеркасск стал после тем прессом, которым давили на сознание людей везде, которым внушали страх. И, конечно, и в Новочеркаске нагнетали психоз страха.

Д.М. А родственники убитых? Разве они не пытались узнать, где могилы?

П.П. Нет. Тогда не было бунта возмущения, потому что подавляли, а сейчас - просто страх. Все-таки, номер "Комсомольца" со статьей о трагедии сразу стал бестселлером. Сразу раскупали и начали вспоминать, говорить. Значит, общественное мнение всколыхнулось. Например, один товарищ мне рассказал о встрече делегата XIX-ой партконференции Артемова с активом. Он сам был на этой встрече. И вот один из присутствующих поставил вопрос: "Как вы относитесь к тому, чтобы раздвинуть стены молчания о новочеркасской трагедии шестьдесят второго года?" Он начал какие-то доводы выставлять, наверное, его личные, но здесь, остальные поддержали того, который

задал вопрос: "Да, пожалуйста, скажите, каково ваше мнение, как вы собираетесь, ставить или нет?" И начали там переговариваться, выкрикивать, пока один не встал и не сказал: "Предлагаю так: записать, чтобы создать или комиссию или какой-то официальный орган, который объективно расследовал и оценил бы эти события". Это предложение было единодушно поддержано.

Д.М. Какое политическое значение имела бы, по-вашему, реабилитация новочеркасских событий? Почему важно, чтобы рабочие знали о них, и какие уроки следовало бы из них извлечь?

П.П. Во-первых - и я скажу прямо, - я хочу предать гласности эту трагедию, потому что если опять прольется кровь, пусть она прольется не только со стороны рабочих. Но я надеюсь, что уроки новочеркасских событий помогут именно избегать подобных трагедий. Я сегодня вижу много аналогичного с тем периодом. Происходит процесс демократизации. Да, мы сейчас пошли дальше. Но в какой мере? Тогда шли разоблачения преступлений Сталина, предшественника Хрущева. И сейчас идут разоблачения преступлений периода Сталина, но разоблачения более основательные и касающиеся не только периода от 1934-го до 1953-го годов, но и более раннего периода. Это, конечно, очень хорошо. Нам говорят, что так уже больше не будет, что мы вам даем демократию. К тому же происходит как бы саморазоблачение - велико, мол, казнокрадство, хотя это опять как будто преступления вчерашние. Но, несмотря на все, инициатива в этой перестройке и главные рычаги власти остались в руках партийно-государственного чиновничества.

Я уже сказал, что новочеркасские события сорвали маску лицемерия с действительности, наглядно показали, что государство не народное, что у нас существует класс эксплуататоров, партийно-государственное чиновничество, стоящее на платформе сталинизма, и класс эксплуатируемых, которому оставили в виде соски идеалы революции. Эта действительность пока не изменилась. Вот почему молчат о новочеркасских событиях - они не могут перед народом признать эту правду. В начале этого года секретарь ЦК Лукьянов был в Шахтах и произнес такие слова: "Если бы партия не сказала вовремя правильного слова, т.е. если бы не ввела гласность и перестройку, то на улицу вышел бы народ". Таким образом, гласность и перестройка - это не благодеяние властей, а вынужденность жертвовать малым для сохранения основного. Хотят сделать государство более рентабельным. Они все видели, что страна доведена до белого каления. И Лукьянов правильно говорил: скоро бы вышел народ. Но для того, чтобы он не вышел, надо было спустить пары, давление.

Д.М. А Ельцин?

П.П. Я не сторонник чиновников. Еще в семидесятые годы в "Заметках ипакомыслящего" я написал, что партия у нас так сложилась, что с прохождением карьеры проходит школа подлости, школе мерзости. Чем выше должность - партийная или государственная, тем большей пробы мерзость. Поэтому, я лично немного ожидал от провозглашения гласности и демократии. Партийно-государственная верхушка, команда Горбачева, жертвует малым. Чем она жертвует? Привилегиями и прерогативами среднего звена. Это звено сейчас ярится на Горбачева и на тех, которым как бы даны демократия, гласность, возможность говорить и критиковать чиновников этого среднего звена. Но как только возникнет реальная угроза им, но не только им, потому что верхушка готова их принести в жертву, а самой верхушке, или части ее, тогда они уже пойдут на все.

Д.М. А сможет ли народ выиграть такое состязание?

П.П. Многое зависит от того, будет ли у него руководство и какое оно будет, какие у него будут организованные силы. Вот почему я отдаю все общественно-политическому движению. Но вот недавно была конференция в одном московском экономическом институте, там, откуда вышла "Перестройка - 88". Там были демагоги, которые говорят, что судьба перестройки зависит от интеллигенции, а не от трудящихся. Отрицали роль трудящихся. Я там выступил и сказал: "Вы здесь занимаетесь болтовней. А когда возникнет открытое столкновение, проба сил, когда народ выйдет на улицу и прольется кровь, то вы будете за эту кровь нести моральную ответственность, потому что тогда вы уже не сможете повести за собой народ".

Без трудящихся интеллигенция как была беспомощной, так и останется. Социалистически настроенная интеллигенция должна прекратить соперничество в своих кулуарах и идти к рабочим. Не заигрывать с рабочими, а делать анализ хотя бы судьбы пролетарского движения в Польше, истории новочеркасских событий, в том числе взаимосвязи интересов рабочих с национальным движением. Я во всех национальных нынешних движениях все-таки в первую очередь вижу социально-экономическую сторону. Но процесс объединения социалистических сил идет с большим трудом, и власти, конечно, делают все, чтобы ему мешать.

Д.М. Вы говорите, что объединение социалистической интеллигенции (и думаю, вы согласитесь, что далеко не вся советская интеллигенция - приверженцы социализма) оказывается очень трудным процессом. Если оно не удастся, способна ли либеральная интеллигенция, как, например, в "Демократическом союзе", и реакционно-националистическая интеллигенция в "Памяти" повести за собой рабочих?

П.П. Я не думаю, что рабочие пойдут за теми, кто хочет реставрации капитализма, и тем более не за ДС, который с ностальгией смотрит на дореволюционный период, и не за

"Памятью", которая отвергает революцию как "сионистский заговор". Да, трудящиеся разочаровались в коммунистической партии, не верят ей, как и не верят происходящему процессу. Но в массе своей они верят делу революции, делу наших отцов. Надо признать, что в начале двадцатых годов, еще при жизни Ленина, начался поворот, революция пошла не тем путем. Мы не должны мечтать о возврате к НЭПу, тем более к дореволюционному периоду, а бороться за полный контроль общества над государством, за демократизацию, ту, которая была в начале революции, когда народные массы взяли судьбу страны в свои коллективные руки, и за постепенное отмирание государственного аппарата. Для этого нужно, чтобы трудящиеся организовывались в самостоятельные организации, независимые от аппарата, противостоящие ему, организации, верные интересам трудящихся и контролируемые ими.

Понимаете, трудящиеся все-таки верят большевизму. Я это говорю не потому, что я сын старого большевика. Они интуитивно верят, что здоровое развитие страны должно происходить на социалистической базе. Это их классовый инстинкт. Вот на днях ко мне пришло письмо с одного уральского металлургического завода. Я хотел бы именно на нем закончить наш разговор: "Петр Петрович, прочитали Ваше письмо о трагедии в Вашем городе! И выражаем сочувствие и солидарность. Хотим послать эту информацию в какую-нибудь газету, например, "Комсомольскую правду". Рабочие, в основном, верят изложенным в Вашей статье фактам, но для пользы дела хотелось бы получить подтверждение от Вас с кратким изложением хода событий. Это будет своего рода документ против местных бюрократов, противников революционного обновления, в руках которых, к сожалению, реальная политическая власть. Это - коварный класс эксплуататоров трудящихся, который прикрывается самым святым для рабочих - марксизмом-ленинизмом, выдавая себя за истинных представителей партии рабочего класса, советской власти, народа, и с ними надо бороться умело, их же оружием. Естественно, после беспрецедентного в истории человечества обмана рабочих потребуется определенное время, чтобы курс на демократию и гласность дал свои плоды - диктатуру рабочего класса, его полную власть в своих органах - советах, в ленинском понимании. Посылаем письмо на имя М.С. Горбачева, подписанное группой рабочих Металлургического комбината. Хотелось бы в связи с этим узнать Ваши критические замечания по письму и Ваши советы по методам борьбы с врагами рабочего класса - бюрократической буржуазии или с ревбурами, как их называл Ленин. Ждем Вашего ответа как можно скорее - это нужно для нашей борьбы за дело рабочего класса, с уважением и глубокой солидарностью".

Источник: Новочеркасск 1-3 июня 1962 г. Забастовка и расстрел (на основе свидетельств очевидцев и интервью с П. П. Сиудой) М.: Институт перспектив и проблем страны, 1997.